

ДЖОАННА
ЛИНДСЕЙ

Нужна **Любовь**
незаурядная смелость, **не ждет**

чтобы пытаться погасить пожар, а не спастись от него.

Annotation

Две семьи, враждующие с давних времен, наконец решили примириться. И разумеется, самый удачный ход — поженить своих детей, Тиффани и Хантера. Правда, невеста в силу определенных обстоятельств никогда не видела жениха.

Конечно, никто не собирается принуждать Тиффани, если ей не понравится Хантер. Волей случая девушка попадает на его ранчо и выдает себя за экономку.

Хантер также не горит желанием жениться на изнеженной, по его понятиям, горожанке. Он влюбляется в молоденькую домоправительницу, не подозревая, что это и есть его нареченная...

Джоанна Линдсей

Любовь не ждет

Johanna Lindsey

ONE HEART TO WIN

Печатается с разрешения издательства Pocket Books, a division of Simon & Shuster Inc. и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© Johanna Lindsey, 2013

© Перевод. Л.В. Сазонова, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Еще до того, как ее дочь, Тиффани, открыла парадную дверь городского особняка, Роуз Уоррен перестала плакать, но она не могла выбросить из головы слова, расстроившие ее до слез: «Приезжай с ней, Роуз. Прошло пятнадцать лет. Неужели ты недостаточно долго мучила всех нас?»

Обычно она позволяла дочери читать письма от Франклина Уоррена. Он всегда сохранял нейтральный тон, так чтобы Роуз могла делиться ими с дочерью. Но не на этот раз, и Роуз поспешно смяла письмо и сунула его в карман, услышав голос Тиффани, донесшийся из холла. Дочь не знала, почему ее родители не живут вместе. Даже Фрэнк не знал истинной причины, заставившей Роуз покинуть его. И по прошествии стольких лет казалось, что лучше оставить все как есть.

— Тиффани, зайди, пожалуйста, в гостиную! — окликнула Роуз дочь, прежде чем та поднялась наверх, в свою комнату.

Войдя в гостиную, Тиффани сняла шляпку, блеснув в полуденном свете рыжевато-белокурыми волосами. Затем стянула с плеч короткую легкую накидку. Хотя погода стояла теплая, приличия требовали, чтобы респектабельные дамы, выходя из дома, одевались соответственно.

Глядя на дочь, Роуз в очередной раз осознала, что ее дорогая малышка уже не маленькая. В этом году Тиффани исполнилось восемнадцать, и Роуз молилась, чтобы ее дочь перестала расти. Со своими пятью футами и восемью дюймами она уже существенно превысила средний рост и часто сетовала по этому поводу. Ростом Тиффани пошла в отца, от него же унаследовала изумрудно-зеленые глаза, просто не знала об этом. От Роуз ей достались изящные черты, делавшие ее на редкость хорошенькой, и рыжие волосы, но скорее медного оттенка.

— Я получила письмо от твоего отца.

Ответа не последовало.

Раньше Тиффани радовалась письмам Фрэнка, но это время давно закончилось — примерно тогда же она перестала спрашивать, когда он приедет.

Сердце Роуз разрывалось при виде безразличия, с которым дочь стала относиться к своему отцу. Конечно, у Тиффани не сохранилось никаких воспоминаний о Фрэнке. Она была слишком мала, когда они уехали из Нэшарта, небольшого городка в Монтане. Роуз признавала, что нужно было позволить им встречаться. Фрэнк был достаточно великодушен, чтобы присылать к ней в Нью-Йорк мальчиков, и она чувствовала себя виноватой, что не платит ему тем же, не разрешая дочери навещать его в Монтане. Но она слишком боялась, что Фрэнк не позволит Тиффани вернуться домой. Это был ее ночной кошмар, и отнюдь не беспочвенный. В гневе Фрэнк угрожал, что заберет у нее дочь. Это была не единственная угроза, к которым он прибегал, пытаясь воссоединить свою семью, и вряд ли его можно было винить в этих попытках. Но Роуз знала, что этого никогда не случится. И теперь предстояло столкнуться с тем, чего она боялась больше всего: если Тиффани окажется в Монтане, она, Роуз, больше никогда ее не увидит.

Наверное, ей следовало настоять, чтобы жених Тиффани приехал в Нью-Йорк и ухаживал за ней здесь. Но для Фрэнка это стало бы последней каплей. В течение пятнадцати лет он уважал ее желания и держался в стороне от дочери. Но пришло время, и Тиффани

должна вернуться под его крышу. Мать обещала это Фрэнку и не может с чистой совестью держать их в разлуке и дальше.

Подойдя ближе, Тиффани протянула руку за письмом. Но Роуз указала ей на диван.

— Сядь.

Тиффани, несколько озадаченная, приподняла бровь, но села напротив матери. Комната была большой, как и сам дом. Родители Роуз происходили из богатых семей, прибывших из Старого Света, и теперь все состояние принадлежало ей. Вернувшись с трехлетней дочкой из Монтаны, Роуз обнаружила, что мать поправляется от болезней, которые за те пять лет, что Роуз отсутствовала, сделали ее инвалидом. Мать прожила всего четыре года, но по крайней мере Тиффани узнала свою бабушку.

Это было мучительное время в жизни Роуз. Ей пришлось отказаться от мужа и трех сыновей, а потом она потеряла и свою единственную родительницу. Но по крайней мере у нее была Тиффани. Наверное, она сошла бы с ума, если бы пришлось отдать и Тиффани. Но этот день все же настал...

— Опять важный разговор? — скучающим тоном осведомилась Тиффани.

— Ты стала дерзкой, с тех пор как тебе исполнилось восемнадцать, — заметила Роуз.

— Ну, если ты так называешь возмущение, которое гложет меня, то прекрасно. Пусть я буду дерзкой.

— Тиффани...

— Я не поеду в Монтану, мама. Мне нет дела, что это означает кровопролитие. Я не поеду туда, даже если больше никогда не увижу своих братьев. Я отказываюсь выходить замуж за человека, которого никогда не видела, — заявила Тиффани, скрестив руки на груди и вызывающе вздернув подбородок. — Ну вот, наконец-то я высказала все, что думаю, и не изменю своего решения.

— Я полностью с тобой согласна.

Глаза Тиффани удивленно расширились, и она радостно взвизгнула.

— Спасибо! Ты не представляешь, как я переживала по этому поводу...

— Позволь мне закончить, — перебила ее Роуз. — Я согласна, что нельзя выходить замуж за человека, которого ты никогда не видела. Ты поедешь в Монтану и познакомишься с ним. У тебя будет несколько месяцев, чтобы узнать его лучше. И если по истечении этого срока ты придешь к выводу, что он тебе не нравится, ты вправе покончить с этой помолвкой и вернуться в Нью-Йорк еще до холодов. Даю тебе слово, Тиффани.

— Почему ты никогда не говорила, что я могу отказаться от этого брака, который вы с отцом устроили, когда я была совсем маленькая?

— Потому что надеялась, что ты по доброй воле согласишься с выбором, который я сделала для тебя. Мне хотелось, чтобы ты привыкла к этой идее и, возможно, даже стремилась к этому моменту.

— Но Монтана совсем дикое место!

— Неужели мы не можем поговорить, не переходя на крик? — осведомилась Роуз и с легкой усмешкой добавила: — Монтана совсем не такая дикая, как тебе представляется. Мне казалось, что братья убедили тебя в этом. Это одно из самых красивых мест, которые я когда-либо видела. Вполне возможно, что тебе там понравится.

— Мне нравится здесь, где я выросла, где живут мои друзья, где живешь ты, — пробурчала Тиффани и продолжила громче: — И где мужчины не носят на поясе револьвер, всегда готовые выстрелить в человека. Как ты вообще могла согласиться на это, мама?

— Это было мое предложение.

Роуз никогда не признавалась в этом дочери, и теперь, глядя в изумрудные глаза Тиффани, расширившиеся от удивления, она пожалела, что не нашла способа объясниться раньше. Впрочем, вряд ли это было возможно.

— Выходит, это ты бросаешь меня на съедение волкам?

— Ради Бога, Тиффани, давай обойдемся без мелодрам. Это было единственное, что я могла придумать, чтобы покончить с враждой между Каллаханами и Уорренами. И хотя она началась не из-за полоски земли с источником воды, расположенной между двумя ранчо, обе стороны используют эту землю, чтобы подогревать раздор, объявляя ее своей собственностью. Я никогда не видела таких безмозглых упрямцев. Стоит им одновременно оказаться у источника, и начинается стрельба. Включение этого участка в брачное соглашение между тобой и Хантером Каллаханом положило бы конец взаимным претензиям.

— И ты решила покончить с враждой, не тобой начатой, пожертвовав своей единственной дочерью?

— К вашему сведению, юная леди, Закери Каллахан — один из самых красивых мужчин, которых я когда-либо встречала. А с учетом того, что он женился на прехорошенькой женщине, можно не сомневаться, что его сыновья вырастут такими же красивыми. Так что я вовсе не считала, что приношу тебя в жертву. Наоборот, я была вполне уверена, что ты будешь в восторге, получив в мужья одного из Каллаханов. И потом, будучи человеком со стороны, я смотрела на вещи другими глазами. Конечно, владельцы ранчо довольно агрессивны, особенно когда дело касается их собственности, но не думаю, что для тех мест это такая уж редкость. Фрэнк и Закери — всего лишь два упрямца, не желающие уступать ни пяди. Разлад начался с неприятной истории, а споры из-за ручья на границе между двумя ранчо не позволяют ему закончиться. Но это не значит, что Каллаханы — законченные негодяи. Возможно, у Закери вспыльчивый и задиристый характер, но он преданный муж и хороший отец, что многое говорит о семье.

— Не ты начала эту вражду, и не тебе ее кончать, мама. Зачем ты вообще вмешалась?

Роуз не собиралась обременять Тиффани ужасами, которые ей пришлось пережить. Стрельба поднималась очень часто, и она боялась, что ее дети нарвутся на пулю. А потом ей пришла в голову простая мысль: покончить с враждой через брак. Когда Роуз поделилась этой идеей с Фрэнком, она и представить себе не могла, что они с Тиффани не останутся в Монтане. Она воображала, что Тиффани и Хантер вначале подружатся, а потом самым естественным образом влюбятся друг в друга...

Роуз постаралась найти простое объяснение.

— Конечно, мне была ненавистна эта вражда, но я старалась не обращать на нее внимания, пока однажды ночью твоего отца не принесли домой полумертвым. Его подстрелил не сам Каллахан, а один из его работников. Забавно, но на Западе работники принимают сторону своего хозяина, и некоторые заходят дальше, чем им приказано. Как бы там ни было, твой отец чуть не умер, а я так отчаянно желала положить конец кровопролитию, что была готова на все. И помолвка оказалась идеальным решением. С тех пор воцарилось перемирие. Твои братья росли, не рискуя схлопотать шальную пулю каждый раз, когда покидали усадьбу.

Роуз затаила дыхание, с нетерпением ожидая ответа Тиффани. То, что она сказала дочери, было лишь частью правды, хотя именно так они все рассуждали, когда ранили Фрэнка. Но, как выяснилось позже, стрелок работал не на Каллахана. У него был другой

хозяин, который дергал за ниточки, куда более беспринципный и изощренный. Когда Роуз узнала об этом и поняла, что не может предъявить обвинение истинному виновнику, она сделала единственное, что могла придумать, чтобы помешать Фрэнку отомстить после выздоровления. Она снова подняла вопрос о примирении с помощью брака — верном средстве покончить с враждой между семьями — и на этот раз настояла на своем.

Она была единственной, кто знал, что на самом деле произошло той ночью и почему. Пусть так все и останется. Тем более что согласие Тиффани на этот брак, устроенный родителями, стало бы спасением для двух соседствующих семей, слишком упрямых, чтобы договориться о совместном использовании воды. Но Роуз не собиралась принуждать дочь к решению проблемы, созданной старшими поколениями. Она могла только попросить Тиффани дать шанс Монтане и Хантеру Каллахану.

К счастью, на лице Тиффани отразилось легкое любопытство.

— А что случится, если я и вправду откажусь от этого брака? Они снова начнут убивать друг друга?

Роуз внутренне сжалась.

— Не знаю. Надеюсь, что пятнадцать лет мирного сосуществования заставили их осознать, что не следует продолжать борьбу, начатую их дедами, которая не имеет к ним никакого отношения.

— А с чего все началось?

— Точно не знаю. Это как-то связано со свадьбой, превратившейся в перестрелку.

— Ты хочешь сказать, что эти две семьи предполагали породниться еще два поколения назад?

— Очевидно.

— Я бы не сказала, что это говорит в пользу твоей идеи повторить попытку, — указала Тиффани. — Похоже, брак между этими семьями обречен на неудачу.

Роуз одарила ее строгим взглядом.

— С таким отношением, наверное. Ты не могла бы по крайней мере встретиться с этим молодым человеком без предубеждения? Дай ему шанс, Тиффани. Он может сделать тебя очень счастливой.

Тиффани ненадолго задумалась.

— Пожалуй, теперь, когда знаю, что не обязана против желания выходить за него замуж, я могу посмотреть на эту идею под новым углом... скажем, как на двухмесячные каникулы в другой части страны. Когда мы едем?

— Я не поеду... не до конца, во всяком случае. Я провожу тебя до Чикаго и буду ожидать там, чем закончится это ухаживание.

Плечи Тиффани поникли.

— Зачем вообще ехать, если не до конца?

— Потому что я хочу находиться в относительной близости на тот случай, если вдруг понадобится тебе. А благодаря железнодорожному сообщению, проложенному теперь до Монтаны, Чикаго совсем близко от Нэшарта. Разумеется, с тобой поедет Анна. И я договорилась, что в Чикаго нас встретит отставной маршал^[1], который будет сопровождать тебя на конечном отрезке пути, вплоть до порога твоего отца.

Тиффани казалась настолько удрученной предстоящей разлукой, что Роуз чуть сама не расплакалась.

— Неужели ты совсем не рада предстоящему путешествию? — с надеждой спросила

она.

— Нет, — без всякого выражения отозвалась Тиффани и направилась к выходу.

— И совсем не хочешь снова увидеться с отцом?

— Снова?! — резко обернувшись, воскликнула Тиффани. — Я его даже не помню. Вы оба постарались, чтобы у меня не сохранилось никаких воспоминаний о нем. Будь честной, мама. Если бы я могла покончить с этой историей, не встречаясь с Франклином Уорреном, я бы так и сделала.

— Тиффани!

— Я не шучу и не хочу слышать всех этих оправданий, почему я росла без отца. Если бы он действительно хотел увидеть меня, то нашел бы способ. Однако этого не случилось. И теперь уже слишком поздно.

Она выскочила из гостиной, но Роуз успела заметить сердитые слезы, навернувшиеся на глаза дочери. Боже, что же она сделала с людьми, которых любит больше всего на свете?

Ссора с матерью так расстроила Тиффани, что ее сердце все еще болезненно сжималось, когда она спустилась к обеду. Роуз хватило одного взгляда на дочь, чтобы понять ее чувства. Она протянула руки, и Тиффани кинулась в ее объятия. А затем обе рассмеялись, потому что Тиффани с ее ростом пришлось слегка нагнуться, чтобы мать могла прижать ее к себе.

Обняв дочь за талию, Роуз повела ее в столовую. В доме Уорренов обеды носили формальный характер, и мать с дочерью одевались соответственно, независимо от присутствия гостей. Коралловое платье Тиффани украшала отделка из кремовых блесток вдоль выреза. На Роуз было синее платье с черным кружевом, но ее ярко-рыжие волосы с лихвой возмещали довольно скромные оттенки одежды. Только один из ее четырех детей, Рой, третий по старшинству, унаследовал ее рыжие волосы. Два других сына были блондинами, как и их отец. И только Тиффани с ее рыжевато-золотистыми волосами пошла в обоих родителей.

— Мы больше не будем говорить на эту тему, пока не придет время паковать вещи, — заверила Роуз дочь, когда они заняли свои места в одном конце длинного стола.

— Все в порядке, мама. Просто я настроила себя на то, что никуда не поеду. А теперь, когда решила ехать, у меня возникло несколько вопросов, которые давно пора задать.

Пожалуй, ей не следовало говорить последнее, решила Тиффани, заметив настороженное выражение, мелькнувшее на лице матери, прежде чем та улыбнулась и сказала:

— Конечно.

— Насколько я знаю, трансконтинентальный экспресс пересекает всю страну за четыре дня, а Чикаго даже ближе, чем на полпути. Я ценю, что ты собираешься сопровождать меня туда, но почему бы тебе не вернуться в Нью-Йорк и не подождать результатов этого ухаживания дома, вместо того чтобы оставаться в Чикаго?

— Тебя и вправду это волнует?

Тиффани хмыкнула.

— Нет. Просто мне кажется, что если ты собираешься ехать до Чикаго, то я не вижу причин, почему бы тебе не проделать весь путь до Нэшарта. Зачем жить два месяца в отеле, когда...

— Чикаго — ближайший большой город, где имеются удобства, к которым я привыкла.

— Прекрасно, но разве в Нэшарте нет отеля?

— Когда я уехала оттуда, не было, только пансион. Теперь, возможно, появился, но я не могу скрываться в таком маленьком городе. Слишком многие меня помнят. Фрэнк обязательно узнает о моем приезде и выломает двери.

Тиффани бросила на мать недоверчивый взгляд.

— Выломает двери? А ты не преувеличиваешь?

— Нет.

— В таком случае почему он не явился сюда и не выломал двери? — поинтересовалась Тиффани с сердитыми нотками в голосе, которые мать, к счастью, не заметила.

— Потому что знал, что я посажу его в тюрьму, — отозвалась Роуз, добавив с отвращением: — В Нэшарте никто и глазом не моргнет, глядя на столь буйное поведение.

— Почему?

— Потому что я все еще его жена и все об этом знают, — ответила Роуз.

— Но почему, мама?

Вот он — вопрос, который интересовал Тиффани больше всего на свете и на который она никогда не получала удовлетворительного ответа. Ее родители пятнадцать лет жили раздельно, но так и не развелись, чтобы снова вступить в брак. А Роуз все еще оставалась красивой женщиной, не достигшей сорока лет.

Ее родители встретились в Чикаго, когда Роуз гостила у своей двоюродной бабушки, теперь уже покойной. В свой последний вечер в Чикаго Роуз отправилась на званый обед, который устраивал друг ее бабушки, адвокат. Так вышло, что среди его клиентов оказался Франклин Уоррен, приехавший в город для заключения контрактов по продаже скота. Он тоже получил приглашение на обед. Проболтав с Роуз весь вечер, Фрэнк сел на следующий день в ее поезд, доехал вместе с ней до Нью-Йорка и начал стремительно ухаживать, вскружив ей голову. Через месяц они поженились. И это было все, что Тиффани знала о браке своих родителей.

Не дождавшись ответа, она укоризненно добавила:

— Я полагала, что когда мне исполнится восемнадцать, ты наконец расскажешь, почему я живу здесь, с тобой, а мои братья живут в Монтане с отцом.

— Здесь нечего рассказывать, — уклончиво отозвалась Роуз и принялась за суп, который только что подали. — Мы с твоим отцом просто не подходили друг другу.

— Предположим, вы достаточно подходили, чтобы пожениться и родить четверых детей.

— Не дерзи.

Тиффани скорчила гримаску.

— Извини. Мне не стоило этого говорить. Но, мама, я достаточно взрослая, чтобы слышать правду, и хотелось бы слышать ее до того, как я встречу с ним.

Роуз ела молча, словно не собиралась продолжать разговор. Тиффани так и не притронулась к своему супу.

Она уже подумывала о том, чтобы сдаться, когда Роуз наконец заговорила:

— Мы поженились слишком быстро, Тиффани, и только потом обнаружили, как мало у нас общего. И он не предупредил меня о вражде, которая не могла не повлиять на нашу жизнь. Тем не менее я делала все, чтобы наш брак состоялся. Я любила его.

И все еще любит, предположила Тиффани, но воздержалась от замечаний. Роуз всегда избегала этой темы. Утверждение, что они с Фрэнком не имели ничего общего, было явной отговоркой, чтобы не обсуждать настоящую причину, вынудившую ее оставить мужа.

— Будь у меня причина, я бы развелась с твоим отцом, — после короткого молчания добавила Роуз.

— Ты имеешь в виду другого мужчину?

— Да. Но этого не случилось. Впрочем, я не уверена, что могла бы получить развод. Вскоре после того как я сбежала, прихватив с собой тебя, он сказал, что не допустит развода.

— Ты сбежала?

— Да, посреди ночи, чтобы поймать первый утренний дилижанс и иметь фору перед Фрэнком. Тогда еще не было железнодорожного сообщения с Монтаной. А моя горничная прикрывала отъезд, сказав ему, что я плохо себя чувствую.

Тиффани была заинтригована. Она впервые слышала, что ее мать сбежала из Монтаны тайком. Но, если Фрэнк не проснулся и не обнаружил, что ее нет рядом, то...

— Разве вы... не спали в одной комнате?

— Нет, к тому моменту нет.

Тема была не настолько деликатной, чтобы смущаться, и Тиффани задалась вопросом, почему щеки ее матери вдруг вспыхнули. Роуз не краснела даже два года назад, когда посвящала Тиффани в таинства замужней жизни. Но если брак ее родителей дошел до того, что они даже не спали в одной постели, то ответ отчасти напрашивался сам собой. Должно быть, Роуз перестала желать своего мужа — в том самом смысле. Либо это, либо Франклин Уоррен просто превратился в скверного мужа, жизнь с которым стала для Роуз невыносимой. И если последнее, то Тиффани хотела бы знать об этом раньше, чем появится на ранчо Уорренов. А вдруг он помешает ей уехать, если она откажется выходить замуж за Хантера Каллахана, точно так же как не давал уехать Роуз?

Но, поскольку Роуз явно чувствовала себя неловко, Тиффани решила не настаивать. Однако ей было любопытно, как матери удалось сбежать, ведь, возможно, и ей придется проделать то же самое.

— Разве добираться верхом не быстрее, чем в почтовой карете? — поинтересовалась она.

— Быстрее, конечно. К тому же я не сомневалась, что Фрэнк попытается перехватить нас по дороге. Поэтому на первой же остановке я купила билет на почтовую карету, следующую до ближайшей железнодорожной станции, но не села в нее. Вместо этого мы спрятались в городе.

— Я ничего не помню об этом путешествии.

— Неудивительно, ты была совсем крошкой.

— Значит, он опередил нас?

— Да. Гораздо спокойней знать, где он, чем постоянно оглядываться через плечо. Я телеграфировала своей матери, чтобы она встретила Фрэнка и попросила его убраться. Из-за его упрямства я не решилась сразу отправиться домой. Он не спал двое суток, простояв напротив нашего дома в ожидании моего появления. А потом еще три месяца оставался в Нью-Йорке, каждый день являясь к нашему порогу и колотя в дверь. Однажды ему даже удалось вломиться внутрь.

— Мы были там?

— Нет, я не собиралась даже приближаться к дому, пока он не уедет из города. Мы жили неподалеку у моей школьной подруги. Мама, конечно, добилась, чтобы Фрэнка арестовали за незаконное вторжение и обыск дома сверху донизу. Она ужасно злилась на него. Из-за его настойчивости мы не могли вернуться домой. Она заставила его посидеть неделю в тюрьме и только потом по моей просьбе отозвала обвинение. Но это возымело действие. Он наконец сдался и вернулся в Монтану.

— Возможно, он не развелся с тобой, потому что не оставлял надежды на твое возвращение, — заметила Тиффани.

— О, не сомневаюсь. Что бы я ни сказала, как бы ни относилась к этой идее, он продолжает думать, что в один прекрасный день я вернусь.

— А ты вернешься?

Роуз опустила глаза.

— Нет.

— Тебе не кажется, что твое нежелание получить развод дает ему напрасную надежду? Наверняка после стольких лет он не будет противиться?

— Не знаю. Он сказал, что сойдет в могилу женатым на мне. Он так упрям, что это

вполне возможно. Но, повторяю, у меня никогда не возникало желания испытать его решимость.

— Вы переписываетесь, — заметила Тиффани. — Почему бы тебе просто не спросить его?

Роуз криво улыбнулась.

— Мы не касаемся «нас» в этих письмах, Тифф. Только первое время, по крайней мере с его стороны. Вначале он сердился, что я уехала, ничего не сказав, потом переживал, что отказываюсь вернуться, затем снова сердился. Наконец до него дошло, что я буду писать только о детях и ни о чем больше. Один раз, когда он написал о нашем браке, я не отвечала ему целый год. Когда же наконец написала, то предупредила, что впредь его письма будешь читать ты, и он ограничился нейтральными темами.

Все письма, которые Тиффани прочитала, были написаны в дружеском тоне. Некоторые даже были забавными, доказывая, что ее отец обладает чувством юмора. Но все, что он писал, касалось ранчо, ее братьев, общих знакомых в Монтане, которых она не знала и которых, возможно, встретит, если отправится туда. Он никогда не обращался непосредственно к Тиффани, ограничиваясь просьбой передать ей его слова любви. Она читала и письма Роуз к мужу, и та всегда спрашивала, не хочет ли дочка что-нибудь добавить к письму. И Тиффани добавляла. Она рассказывала отцу, как училась кататься на коньках со своей лучшей подругой Марджори и как весело было, когда она падала на лед. О том, как она расстроилась, случайно разбив нос Дэвиду, соседскому мальчику, но он простил ее, и они остались друзьями. О котенке, которого нашла и потеряла, и они с Роуз искали его несколько недель. Она многим делилась в этих письмах, пока не начала испытывать обиду оттого, что отец ни разу не удосужился навестить ее.

Эта обида все росла, особенно когда ее братья приезжали к ним в гости — одни. Обычно Тиффани стояла у двери, глядя, как они вылезают из кареты, в ожидании, когда покажется отец. Но он не появлялся, и карета отбывала. Пустая. Когда это случилось в третий раз, Тиффани замкнулась, и при мысли о Франклине Уоррене она ощущала только пустоту.

Она больше не стояла на пороге с надеждой в душе и слезами на глазах. Она перестала читать письма Фрэнка и делать приписки к письмам Роуз. В то время ей было лет девять-десять, Тиффани точно не помнила. После этого она только притворялась, будто читает его письма, чтобы мать не догадалась, как болезненно она воспринимает пренебрежение отца. Это был единственный способ защититься от чего-то, что так сильно ранило. Она постаралась в своем сознании задвинуть Фрэнка подальше, словно его не существует — пока не получила письмо от одного из братьев, где упоминался отец и откуда следовало, как сильно мальчики его любят. Когда она дочитала письмо до конца, по ее лицу ручьем катились слезы.

Братья не догадывались, что она чувствует. Приезжая в гости, они всегда говорили об отце. Они явно любили его. Почему бы и нет, ведь он не бросил их, как бросил ее? Они просто не замечали, что Тиффани не слушает их или пытается перевести разговор на менее болезненную тему. Она терпеть не могла время, когда им надо было уезжать, возвращаясь к отцу. С ними было так весело: играть, кататься верхом в парке, поддразнивать друг друга. Словно они были настоящей семьей. Их отъезд всегда доказывал обратное.

— Ты ненавидишь его, мама?

— Это слишком сильное слово. У твоего отца невыносимый характер. Упрямый,

бесцеремонный, самоуверенный. Полагаю, это проистекает из того, что он построил свою империю собственными руками, из ничего. Он постоянно конфликтовал с соседями. Порой мне казалось, что он наслаждается этой войной. Бывали дни, когда я побаивалась покидать ранчо. Но он только смеялся, советуя не забивать свою хорошенькую головку подобными мыслями. Ты не представляешь, как это меня бесило. Я так злилась, что могла поскакать к Каллаханам и перестрелять их всех. Возможно, я так и сделала бы, если бы умела стрелять. Нет, я не возненавидела его, просто больше не смогла с ним жить.

— И ты не собираешься говорить мне почему, верно?

— Я ведь...

— Он обманул тебя, да? — догадалась Тиффани.

— Тиффани!

— Просто скажи «да». Это единственное, что имеет смысл.

— Мы всего лишь два человека, которые больше не могли жить под одной крышей. Я достаточно любила Фрэнка, чтобы покинуть его, предоставив возможность найти себе кого-нибудь более подходящего.

Это было неожиданное признание, вырвавшееся у Роуз на одном дыхании с попытками доказать противоположное. Может, все дело в том, что она слишком любила мужа? Что такого ужасного в правде, что заставляет Роуз придумывать отговорки, не имеющие никакого отношения к реальности?

Тиффани позволила себе еще одну догадку.

— А может, ты сама нашла кого-то другого, но это не сработало?

— Тиффани, перестань. Никакого другого мужчины не было. И другой женщины тоже. Была семейная драма и до сих пор остается. Зачем ты заставляешь меня переживать ее заново?

Роуз знала, что сказать, чтобы вынудить свою дочь отступить. Тиффани так и сделала. Она обожала мать. Но слишком долго жила с обидой в душе, уверенная, что отец бросил их обоих. И теперь, когда ей предстояло встретиться с ним, она опасалась, что на ранчо обида выплеснется в обвинения. Может, мать и не ненавидит Фрэнка Уоррена, но относительно себя Тиффани точно знала: чувство, которое испытывает к отцу, — ненависть. Оно было слишком сильным, чтобы быть чем-нибудь другим.

О боже, ей удалось сковать свое сердце льдом, притворяясь, что ей безразлично пренебрежение отца. Но теперь вся боль внезапно вернулась, накапливаясь в груди, и Тиффани снова почувствовала себя маленькой девочкой, стоящей у двери и глядящей вслед пустой карете.

— Извини, — сказала она матери. — Вообще-то я надеялась, что ты сможешь назвать причину не ненавидеть собственного отца, но, видимо, напрасно. Я поеду в Монтану, чтобы сдержать обещание, которое ты дала, но хочу встречи с Фрэнком даже меньше, чем ты.

Ее спокойный тон подсказал Роуз, что это не просто эмоциональное заявление.

— Каллахан может ухаживать за мной в городе, — после короткой паузы сказала Тиффани. — Мне незачем оставаться на отцовском ранчо.

— А как отнесутся Каллаханы к тому, что ты в ссоре со своим отцом? Не слишком убедительное свидетельство, что со старой враждой покончено, тебе не кажется?

— Ладно, — ворчливо отозвалась Тиффани. — Придется потерпеть.

Роуз рассмеялась.

— Детка, не забывай о своем воспитании. Ты должна быть вежливой и любезной. А

теперь давай сменим эту чертову тему, — добавила она тоже не слишком изящно. — Ешь свою рыбу. Возможно, ты не скоро ее увидишь. На ранчо едят только говядину.

Тиффани кивнула, подавив досаду. Она так и не узнала, почему ее родители расстались. Но если мать не хочет говорить, может, отец расскажет...

— А я была уверена, что привыкла к путешествиям, — раздраженно заметила Анна, обращаясь к Тиффани. — Вашей матушке следовало предупредить, что этот хваленый пульмановский вагон, который она наняла, не довезет нас до места.

Тиффани усмехнулась, глядя на свою горничную через столик вагона-ресторана.

— Мама избаловала нас пульмановским вагоном. Но большинство людей путешествуют по стране именно так.

Анна Уэстон служила у нее горничной уже четыре года. Белокурая, кареглазая, она была всего лишь на пять лет старше Тиффани, хотя невинная внешность внушала иллюзию, что она намного моложе. В свои двадцать три года она была куда лучше приспособлена к жизни, чем большинство женщин, вынужденных зарабатывать себе на хлеб. В дополнение к тому, что она была весьма начитана и обладала красивым почерком, один из братьев научил ее клеить обои, от отца она научилась чинить мебель, а от матери — играть на четырех музыкальных инструментах. Агентство, приславшее Анну к Уорренам, предложило ей еще две вакансии: гувернантки и учительницы. Так что Анна могла выбирать место работы.

Ничего этого Тиффани не знала, пока Анна не прослужила у них некоторое время. Она не знала, что Анна чуть не отклонила их предложение, потому что Тиффани рассмешила ее во время собеседования. Не то чтобы у Анны отсутствовало чувство юмора, просто она не считала нужным обнаруживать его перед нанимателем. Но, будучи практичной, она в конечном итоге выбрала работу в доме Уорренов, потому что та оплачивалась существенно лучше, чем в других вариантах, которые у нее имелись. Анна так гордилась своим профессионализмом, что отказывалась называть Тиффани иначе, как мисс Тиффани. Правда, это не мешало Тиффани предпринимать попытки пробиться сквозь чопорные манеры своей горничной. Она не видела причин, почему они с Анной не могут быть подругами, и порой казалось, что ее усилия не напрасны.

Хотя Анна не считала себя подругой Тиффани, она была преданна ей всей душой и оберегала от любых посягательств, что делало ее отличной дуэньей. Стоило мужчине хотя бы искоса взглянуть на Тиффани, как Анна осаживала его свирепым взглядом. И к счастью, она имела склонность к приключениям — точнее, была склонна, пока они не покинули Чикаго. Она согласилась отправиться на «Дикий Запад», потому что ей всегда хотелось повидать свет. Тиффани тоже хотелось путешествовать. Как любой другой девушке ее возраста, ей хотелось совершить большой тур по Европе или хотя бы съездить к подруге Марджори в Ньюпорт, где она провела значительную часть прошлого лета. Но Тиффани определенно не хотела ехать в Монтану, куда еще не дошла цивилизация.

— Сиденья в этом поезде не такие уж неудобные, просто не настолько мягкие, как в пульмановском вагоне. По крайней мере в вагоне-ресторане, — заметила Тиффани.

Выражение лица Анны стало еще кислее, подсказав, что дело не в сиденьях. Впрочем, Тиффани и так это знала. Настоящая причина недовольства Анны заключалась в том, что поезд был переполнен и в пассажирских вагонах стояли духота и вонь, вызванные таким скоплением человеческих тел в тесном пространстве. Сиденья, рассчитанные на двух-трех человек, занимали четверо или пятеро, включая детей и плачущих младенцев. Тиффани и сама жаловалась бы на неудобства, не опереди ее Анна. Какой контраст по сравнению с роскошным пульмановским вагоном, находившимся в их полном распоряжении, словно они

едут в небольшой гостиний!

Определенно Роуз не позволила бы им ехать в этом поезде, если бы знала, что придется путешествовать в таких жутких условиях. Но толпа фермеров с семьями погрузилась в вагоны не в Чикаго, а когда они пересекли границу Висконсина. Кондуктор извинился перед Тиффани и Анной, объяснив, что теперь поезд функционирует как экспресс для переселенцев. Им просто не повезло, что в восточных штатах объявили об освоении новых земель в Монтане, что привлекло сотни, если не тысячи желающих перебраться туда и начать новую жизнь. Такой приток людей должен был способствовать развитию территории^[2], нуждавшейся в рабочих руках, но превращал поездку в сущее мучение.

— Нет худа без добра, — заметила Тиффани, когда им подали еду. — Поскольку поезд больше не останавливается на каждой станции, чтобы взять пассажиров, мы приедем на пару дней раньше. Мама говорит, что дом на ранчо большой и благодаря ее усилиям прекрасно обставленный. Она уверена, что мы будем чувствовать себя, как дома, когда доберемся до места.

Прочитав последнее письмо Фрэнка, Роуз сказала:

— Они уже начали строительство твоего дома на спорной земле — и чуть не подрались. Глупо было думать, что они смогут работать вместе до того, как состоится свадьба. Но таков твой отец, безнадежный оптимист.

Она произнесла это с таким любящим выражением на лице, что в голове Тиффани возникли самые разные идеи, включая ту, которую она лелеяла в детстве, прежде чем ожесточилась: свести родителей вместе.

Поставив на стол блюда, официант склонился к Тиффани и прошептал:

— Извините, мисс, но из-за большой очереди мы не успеем обслужить всех желающих пообедать, если не заполним все места за столиками.

Это был не первый случай, когда Тиффани и Анне приходилось обедать с посторонними. Если бы поезд не превратился в экспресс, чтобы справиться с потоком желающих получить землю, они могли бы воспользоваться услугами ресторанов на железнодорожных станциях. А так, за двадцать минут остановки, если не меньше, они едва успевали размять ноги. Хорошо еще, что в составе имелся вагон-ресторан, пусть даже набитый битком.

Тиффани кивнула, выразив согласие. Анна вздохнула. За столик, хмыкнув, села молодая женщина по имени Дженнифер, с которой они познакомились накануне. Белокурая, смазливая, она была одета, как Тиффани, но без модного шика. Тем не менее она явно была горожанкой, а не одной из фермерских жен, облаченных в платья из выцветшего ситца. Дженнифер, похоже, путешествовала в одиночестве, что, по мнению Тиффани, было довольно храбро с ее стороны.

Спустя мгновение к ним присоединился молодой фермер в рабочем комбинезоне и бесформенной шляпе, которую он не снял. Официант поставил перед ним и Дженнифер тарелки и поспешил назад, на кухню. Фермер не сказал ни слова, ограничившись коротким кивком, и принялся за еду. Судя по низко склоненной голове, он, наверное, стеснялся, оказавшись за одним столом с незнакомками, или опасался, что они будут недовольны, если с ними заговорит незнакомый мужчина. Поскольку Анна вполне могла возмутиться, Тиффани решила, что его молчание даже к лучшему.

Дженнифер, напротив, оказалась разговорчивой особой.

— Вот мы и встретились снова, — сказала она, обращаясь к Тиффани. — Раз это

превратилось в традицию, наверное, мне следует представиться. Дженнифер Флеминг из Чикаго. Экономка по профессии. Мое агентство направило меня в Нэшарт на год... или дольше, если мне там понравится.

Глаза Тиффани расширились при воспоминании о том, что сказала мать, помогая паковать вещи. «Зачем мне брать новую одежду, мама? — спросила она. — Вряд ли она понадобится мне на ранчо». «Понадобится, — возразила та. — Не нужно менять свои привычки только потому, что ты оказалась в Монтане. Я привила твоему отцу городские привычки, пока была там. Он привык к дому, полному слуг, официальным обедам и другим вещам, украшающим жизнь. Даже если после моего отъезда он деградировал, тебе нужно только напомнить ему, к чему ты привыкла, и, не сомневаюсь, он сделает все, что нужно, если еще не сделал. Он написал мне, что нанял экономку из Чикаго, чтобы ты чувствовала себя, как дома».

Поскольку ничего такого в последнем письме не было, Тиффани предположила, что отец писал об этом в одном из более ранних писем, которое Роуз ей не показала. А что, если эта молодая женщина, сидящая рядом с ней, та самая экономка? Сколько экономок может ехать из Чикаго в такой маленький городок, как Нэшарт?

Тиффани рассмеялась.

— Ну и совпадение. Интересно, это случайно не мой отец нанял вас? Франклин Уоррен?

— Он самый!

— Но я полагала, что вы уже прибыли на ранчо, — заметила Тиффани.

— Так и планировалось. Но мне пришлось уговаривать своих родных и жениха, который хотел, чтобы я подождала, пока мы сможем поехать вместе. Это была его идея — начать нашу совместную жизнь на Западе, и хотя он предпочитает Калифорнию, но не против того, чтобы дать шанс Монтане, если мне там понравится. Тем не менее он возражал, чтобы я ехала одна. Но я не могла упустить эту работу, предложенную в агентстве, потому что она очень хорошо оплачивается. Ваш отец, должно быть, довольно богат.

Тиффани не представляла, богат ли ее отец, и только улыбнулась вместо ответа. Анна смерила Дженнифер неодобрительным взглядом. Она повидала немало экономок, как и Тиффани, если уж на то пошло. Но они никогда не встречали такой болтливой и такой молодой, как Дженнифер. Впрочем, они встретились в необычной обстановке, путешествуя в душном, переполненном поезде, направлявшемся в удаленную часть страны, которой едва коснулась цивилизация. Это могла быть нервная болтовня. Кроме того, Дженнифер еще не приступила к обязанностям экономки и, возможно, не считала нужным, пока не начнет работать, переходить на официальный тон с дочерью нового хозяина.

Дженнифер продолжала болтать. Фермер не проронил ни слова, даже не представился, уткнувшись в свою тарелку. Было крайне неприлично, что он вообще сидит за их столиком, но вполне объяснимо, учитывая, что поезд переполнен и число женщин превышало число мужчин. Анна не скрывала своего неодобрения, по крайней мере от хозяйки, бросая на нее выразительные взгляды и покачивая головой. Тиффани едва сдерживала смех, наблюдая за ее гримасами, но поняла послание, которое пыталась передать ей горничная: быстрее закончить с едой и уйти. Тиффани так и сделала, и, попрощавшись с Дженнифер, которая пообещала навестить их позже в вагоне, они вернулись на свои места, где их ждал Томас Гиббонс, отставной маршал Соединенных Штатов, которого Роуз наняла, чтобы сопровождать дочь до Нэшарта.

Это был мужчина средних лет, не слишком дружелюбный на вид. Из того немногого, что сообщила о нем Роуз, прежде чем они встретились в Чикаго, следовало, что его рекомендовало агентство Пинкертон. Гиббонс иногда работал на них, если задание вело в Скалистые горы, где он обосновался. Он ел два раза в день, за завтраком и ужином, и поэтому не пошел обедать со своими подопечными. Хотя Гиббонс серьезно относился к своей работе, он позволял Тиффани и Анне свободно перемещаться по поезду. Но стоило им покинуть поезд, как он оказывался рядом, держа правую руку на револьвере, который красовался у него на бедре.

В данный момент они находились на длинном перегоне между двумя городами. Прибытие в следующий город ожидалось не раньше вечера, и Тиффани даже не знала, будет ли там остановка. Предполагалось, что переселенцы сойдут с поезда утром, что сулило им с Анной относительно тишину и покой на несколько оставшихся часов путешествия.

Гиббонс встал и шагнул в проход, чтобы пропустить дам к их местам у окна. Он галантно занял место с краю, где ему приходилось терпеть толчки пассажиров, которые проходили мимо, покачиваясь на ходу. А поскольку их вагон располагался в середине поезда, через него постоянно шли люди, направляясь в вагон-ресторан и возвращаясь оттуда.

— Нам следовало подождать, пока рассосется очередь, — посетовала Анна, пробираясь к своему месту.

— И снова остаться без обеда? — отозвалась Тиффани, подождав, пока Анна сядет. — Уж лучше разделить столик с другими пассажирами.

Наблюдать за окрестностями, мимо которых они проезжали, было единственным развлечением для обеих, и они по очереди занимали место у окна. Со среднего сиденья тоже открывался ничем не заслоненный вид, просто сиденье у окна предоставляло более широкую панораму.

Поезд следовал через южную часть Висконсина, где на тучных полях колосилась пшеница, но Тиффани слышала от попутчиков, что земля там становится все менее плодородной, вот почему многие из них так радовались возможности начать новую жизнь в Монтане. Собственно, радовались в основном мужчины. Их жены грустили, вынужденные бросить дома, где жили несколько поколений их предков, а некоторые даже плакали.

Местность в Миннесоте оказалась интереснее, перемежаясь озерами и степями, хотя там тоже имелось немало ферм. По сравнению с ней Дакота с ее открытыми пространствами была практически не заселена, оставаясь дикой и необжитой. Тиффани заметила нескольких поселенцев, суетившихся вокруг обложенных дерном домишек. Она даже увидела настоящего бизона! Но то, что она увидела утром, когда пришла очередь сидеть у окна, привело ее в трепет. Это были два всадника, обнаженные по пояс, с длинными черными волосами, заплетенными в косы. Они сидели на лошадях без седел, устремив взгляды на проходящий поезд. Тиффани чуть не свернула шею, глядя на них, пока они не исчезли из виду.

Анна в этот момент дремала, положив голову на плечо Тиффани. Та не стала будить ее, чтобы показать индейцев, и решила вообще не упоминать о них, чтобы не тревожить лишний раз свою горничную. Роуз заверила их, что индейские войны в Монтане закончились и последнее крупное сражение произошло шесть лет назад. Хотя войска белых потерпели поражение, спустя год солдаты окружили племена и заставили переместиться в резервацию за пределами территории.

Едва Тиффани уселась на среднее сиденье, как поезд резко остановился и Гиббонс, все

еще стоявший в проходе, чуть не упал. Он медленно опустился на свое место, озадачив Тиффани своим встревоженным видом.

Анна, казалось, ничего не заметила.

— И что теперь? — поинтересовалась она раздраженно. — Я не удивлюсь, если поезд сломался от такой перегрузки.

— Чепуха, — возразила Тиффани. — Наверное, что-нибудь с путями...

Слова замерли у нее на губах при виде мужчины, который вошел в вагон с револьвером в руке, нижняя половина лица была скрыта платком.

— Никому не двигаться!

Маршал еле слышно выругался. Тиффани от удивления открыла рот. Анна застыла на месте.

За первым бандитом последовал второй, втащивший в вагон Дженнифер. Он показался Тиффани знакомым, но она была слишком встревожена, чтобы сообразить почему. Должно быть, Дженнифер переходила из одного вагона в другой, когда столкнулась с ним. Вся в слезах, экономка поспешила к пустому месту и съежилась на нем. Бедняжка выглядела до смерти напуганной.

Тиффани и сама не испытывала особой храбрости. Собственно, чувства, овладевшие ею, когда первое удивление прошло, были не похожи ни на что испытанное до сих пор. Ее словно окатила жаркая волна, оставив во всем теле легкую дрожь. Ладони вспотели, сердце бешено колотилось. Ей хотелось вжаться в сиденье, как Дженнифер, но она не могла пошевелиться!

Анна схватила хозяйку за руку, то ли чтобы придать ей храбрости, то ли чтобы позаимствовать ее у Тиффани. Неужели это грабители, которые нападают на поезда, не оставляя никого в живых? Хотя вряд ли. Если бы они намеревались всех убить, то не стали бы закрывать лица. Эта мысль не слишком успокоила Тиффани и не уменьшила ее смутнение. Она даже не могла закрыть глаза, беспомощно наблюдая сцену, которая разворачивалась перед ней.

Не в силах оторвать взгляд от пары грабителей в передней части вагона, она наконец поняла, почему второй мужчина показался ей знакомым. Она узнала его по одежде и бесформенной шляпе. Это был фермер, который сидел за их столиком в вагоне-ресторане! Но теперь было ясно, что он всего лишь изображал фермера, чтобы пробраться на поезд. Неудивительно, что он не поднимал головы во время обеда и не сказал ни слова, чтобы не привлекать к себе внимания. Он не хотел, чтобы его запомнили и позже описали властям. Если, конечно, они переживут этот ужасающий опыт и смогут рассказать о нем.

— Выкладывайте ценности, и мы уйдем, а вы продолжите путь в целости и сохранности! — рявкнул первый грабитель. — От каждого понемногу, и не советую притворяться, будто у вас нет денег или драгоценностей. Если заметим, что вы жадничаете, то заберем все вместе с одеждой. Так что если не хотите прибыть в ближайший город голыми, наполняйте сумку и побыстрее. Но сначала положите оружие на пол и вытолкните в проход. Живо!

Послышались звуки ударов при падении, сопровождавшиеся скрежетом металла по деревянному полу, и в проходе начали появляться револьверы. У Томаса было два, но он пожертвовал только одним, спрятав другой на соседнем сиденье под широкой юбкой Тиффани. Она ничего не заметила, слишком испуганная, чтобы думать о том, что он делает. Пассажиры, сидевшие впереди нее, оборачивались, глядя в конец вагона. Тиффани тоже повернулась и увидела третьего грабителя, который шел по проходу с открытой сумкой в руках. Одной рукой он протягивал ее пассажирам, мимо которых проходил, а в другой держал револьвер, чтобы заставить их подчиниться. Тиффани заметила четвертого бандита, охранявшего заднюю дверь. Кошельки, часы, кольца, деньги торопливо падали в сумку. Пассажиры вжимались в сиденья, чтобы не оказаться на линии огня, если вдруг начнется стрельба. Женщины плакали в голос, к ним присоединился какой-то младенец.

Когда грабитель с сумкой добрался до них, маршал бросил в нее несколько банкнот и часы, но Тиффани все еще не могла двинуться с места и смотрела на грабителя, ожидавшего, когда она внесет свою долю. Не то чтобы она возражала. У нее не было ничего ценного, она даже не надела в дорогу драгоценностей. Немного денег на непредвиденные расходы в кошельке и чуть больше в мешочке, пришитом к нижней юбке. Остальное ее мать перевела в банк Нэшарта задолго до того, как они уехали из дома. Она просто не могла пошевелиться!

Томас взял дело в свои руки, схватив кошелек с ее колен и бросив его в сумку. С Анной было сложнее, ее кошелек не было видно, и она тоже не шевелилась. Она прижалась к окну, отодвинувшись как можно дальше от бандита. Но грабитель, казалось, не замечал Анну, не сводя глаз с Тиффани.

— Пожалуй, я прихвачу тебя с нами, — сказал он. — Я бы сказал, что такая роскошная штучка, как ты, самое ценное, что есть в этом поезде.

Тиффани показалось, что сердце остановилось, так она испугалась. Боже, он это серьезно! Она видела это в его темных глазах и боялась, что бандит имеет в виду не только выкуп...

— Занимайся своим делом, — прорычал маршал. — Она не...

— Заткнись, приятель, — огрызнулся разбойник и, будто этого было недостаточно, занес руку с револьвером, чтобы ударить Томаса.

Тиффани в ужасе вскочила на ноги, даже не подумав о последствиях.

— Стойте!

Она не могла допустить, чтобы этот тип причинил вред маршалу. Тот был единственным человеком, который мог помешать бандитам вытащить ее из поезда, и не сможет помочь ей, если будет без сознания! Но хотя ей удалось переключить внимание бандита на себя, она не представляла, что сказать или сделать, чтобы остановить его. Впрочем, ей не пришлось ничего делать.

Как только она вскочила, револьвер, скрытый ее юбкой, оказался на виду, что вынудило Томаса перейти к решительным действиям. Схватив револьвер одной рукой и оттолкнув Тиффани другой, так что она упала на сиденье, он выстрелил бандиту в живот. А затем, не переводя дыхания, застрелил того, что караулил заднюю дверь.

Теперь, не имея никого за спиной, он нырнул за спинку сиденья, прячась от пуль, пущенных в его сторону. Анна толкнула Тиффани на пол и упала сверху, прикрыв собой и причитая:

— Господи, вы рехнулись, совсем рехнулись.

Тиффани не могла не согласиться с ней. Если бы она хоть секунду подумала, то не стала бы отвлекать внимание бандита на себя. Ладно, она позже побранит себя за столь импульсивный поступок — если они переживут это испытание.

Снова последовала пальба, довольно интенсивная. Некоторые из пассажиров схватили с пола свои револьверы и, вдохновленные примером маршала Гиббонса, присоединились к сватке. Тиффани лежала, уткнувшись лицом в пол, с истерически рыдавшей Анной поверх нее, и молилась, чтобы оглушительная перестрелка закончилась. Она не хотела умирать! Внезапно наступила тишина, хотя издалека еще доносились выстрелы.

Затем она услышала короткий смешок, и мужской голос произнес:

— Отличная работа, ребята, но это еще не все. Машинист заметил одного из грабителей, который скакал к поезду, ведя в поводу восемь лошадей. Машинист выстрелил, и лошади

кинулись врассыпную, оставив шайку с одной повозкой, которую они пригнали, чтобы увезти добычу. Судя по числу лошадей, в конце поезда должны находиться еще четыре бандита, с которыми надо разобраться. Приглашаю добровольцев.

Тиффани не сомневалась, что маршал будет одним из этих добровольцев. Она не ошиблась.

— Полагаю, это не займет много времени, — сказал он, склонившись над ней. — Просто оставайтесь на месте и будете в безопасности.

Осознав, что непосредственная опасность миновала, Тиффани облегченно вздохнула. Она снова могла двигаться. Впрочем, не совсем — Анна всем своим весом все еще прижимала ее к полу. Выждав секунду, Тиффани проговорила:

— Послушай, он не имел в виду буквально оставаться на месте. Можешь слезть с меня. Клянусь, я первая кинусь на пол, если эти бандиты появятся снова.

— Даже не знаю, что это на меня нашло, — произнесла Анна, после того как снова уселась на свое место и помогла Тиффани встать. — Но что, скажите на милость, нашло на вас, что вы сцепились с таким типом?

Тиффани хотелось бы сказать, что она действовала по плану, потому что догадалась, что задумал Томас, но это была бы явная ложь.

— Я защищала нашего защитника, — сказала она.

— Вас могли застрелить!

Тиффани на секунду отвлеклась, наблюдая за пассажирами и поездной службой, которые вытащили из вагона тела четырех убитых грабителей. Она не могла не содрогнуться.

— Ты что, не слышала, что сказал тот бандит? — спросила она, повернувшись к Анне. — Он собирался увезти меня вместе с остальной добычей, словно какую-то побрякушку! Я была в панике, не представляя, как этому помешать. И поскольку это отлично сработало, хватит причитать.

Анна вздохнула.

— Я так испугалась, — призналась она. — У меня уже однажды отбирали кошелек. И дважды обчищали карманы. Дом моего отца ограбили, когда я спала в своей постели! Так что нельзя сказать, что я впервые столкнулась с ограблением. Просто на меня никогда не наводили револьвер.

Тиффани прекрасно понимала, что имеет в виду Анна. В Нью-Йорке совершалось множество преступлений, но она всегда чувствовала себя защищенной. А сегодня столкнулась лицом к лицу с вооруженными преступниками. Путешественницы оказались в серьезной опасности. Тиффани отказывалась даже думать, что случилось бы, если бы маршал Гиббонс и другие храбрецы из числа пассажиров проиграли схватку.

Но импровизированный отряд победил, а служащие железной дороги, привычные к подобным стычкам, довершили дело. Когда поезд снова тронулся, пассажиры разразились приветственными возгласами. Некоторые смеялись, другие издевательски улюлюкали, прикинув к окнам, откуда открывался вид на двух грабителей, которые, спрыгнув с движущегося поезда, неслись вдогонку за повозкой, увозившей краденые чемоданы и сумки.

Тиффани поглядывала на заднюю дверь вагона, ожидая возвращения маршала. Пассажиры притихли, когда появился проводник поезда, объявивший, что несколько пассажиров, участвовавших в схватке с бандитами, ранены. Сердце Тиффани упало, когда она услышала, что маршал Гиббонс в их числе.

Маршал не приходил в сознание, пока поезд не добрался до следующего города. Тиффани была вне себя от беспокойства. Один из проводников, ухаживавший за ранеными пассажирами, сказал, что Томас может не выжить. Она едва знала маршала Гиббонса, он почти не разговаривал с ними, но сегодня он защитил ее жизнь с редкостным профессионализмом и отвагой. Ужасно, если он не выживет. Его критическое состояние делало утрату всего ее багажа, не считая одного чемодана, несущественной.

С помощью нескольких крепких пассажиров трое раненых были доставлены напрямую к местному доктору. Рана маршала была самой серьезной, поэтому им занялись первым. Тиффани и Анна с нетерпением ожидали вердикта доктора, меряя шагами приемную. Прошло почти полчаса, прежде чем он вышел к ним.

— Он приходит в себя, так что вы сможете увидеть мистера Гиббонса через несколько минут, — сказал он. — Жаль, что это не конечный пункт вашего путешествия, потому что мистер Гиббонс пока не может никуда ехать. Я уверен, что он поправится, но еще не скоро встанет на ноги.

— Может, нам остаться здесь и подождать его выздоровления? — спросила Анна.

— Никто не знает, насколько это затянется, — отозвалась Тиффани. — С нами ничего не случится. Это последняя остановка на территории Дакоты. Завтра мы будем в Нэшарте. Я проведу маршала, а ты сходи узнай, сколько у нас времени до отправления поезда.

Анна не шелохнулась, устремив на нее выразительный взгляд.

— Вы уверены, что стоит продолжать путь без сопровождения?

Тиффани раздраженно цокнула языком.

— Какова, по-твоему, вероятность еще одного ограбления поезда?

— Возможно, выше, чем нам хотелось бы.

— Чепуха.

Анна помедлила, колеблясь, затем кивнула и вышла. Но Тиффани знала, что не будь они так близки к пункту назначения, Анна никогда бы не сдалась.

Войдя в палату, Тиффани обнаружила, что глаза маршала устремлены на нее. Она подошла ближе.

— Вы настоящий герой, — мягко сказала она, опустившись на стул рядом с его койкой. — Благодаря вам и другим храбрецам эти фермеры смогут продолжить свой путь к обещанной земле и основать там фермы. Доктор говорит, что с вами все будет в порядке, но придется немного полежать в постели.

— Жаль, что так вышло, мисс Уоррен. Представляю, какой шум поднимет ваш отец, если вы не прибудете вовремя...

— Я уже телеграфировала, — перебила его Тиффани. — Он попросил своего друга, который живет в городе, доставить меня на ранчо. Так что можете спокойно выздоравливать.

Слава Богу, что Анна не слышит эту ложь, подумала Тиффани, чувствуя, что ее щеки загорелись. Она не имела привычки лгать, но тем не менее уже во второй раз обманывала славного маршала. В первый раз это случилось, когда они узнали от кондуктора, что в связи с большим потоком переселенцев поезд проследует до Монтаны практически без остановок и они прибудут в пункт назначения на три дня раньше. Гиббонс предложил ей отправить телеграмму отцу, чтобы предупредить об изменении расписания поезда. Тиффани заверила

его, что так и сделает, но не стала сообщать, что приедет раньше. В тот раз она тоже покраснела.

Согласившись на двухмесячные лишения на Диком Западе, Тиффани сознавала, что худшее — даже не ухаживания человека, которого она никогда не встречала, а необходимость жить под одной крышей с отцом. Она не хотела, чтобы тот встречал ее на вокзале, ибо опасалась, что не выдержит и устроит сцену. Честно говоря, она даже не знала, как поступит: обрушится с упреками за то, что он не навещал ее, пока она росла, или бросится ему на шею, заливаясь слезами. Скорее первое, учитывая обиду, которая копилась в ее душе годами. Но в любом случае она предпочла бы не встречаться с Франклином Уорреном на публике и радовалась, что он не знает о точном времени ее прибытия.

Маршал Гиббонс и на этот раз не заподозрил лжи.

— Я чувствовал, — сказал он со вздохом, — что надо ждать неприятностей, когда все эти переселенцы погрузились в поезд. Слишком заманчиво, когда столько народу собирается вместе, прихватив с собой все сбережения для обустройства на новом месте. Освоение земель — главная новость в этих краях. Я сразу подумал, что это может выманить из нор преступников всех мастей, которые пожелают воспользоваться ситуацией.

Тиффани кивнула и похлопала маршала по руке, радуясь, что это ужасное происшествие закончилось. Теперь она не понаслышке знала, как опасно на Западе. Неужели она и вправду сказала матери, что воспринимает эту поездку как каникулы? Ей была ненавистна каждая минута этого путешествия начиная с того момента, как они с Роуз расстались. Тиффани хотела только одного — вернуться домой!

Она оставалась с маршалом, пока не вернулась Анна, сообщившая, что нужно срочно возвращаться, если они не хотят отстать от поезда. Учитывая случившееся, Тиффани полагала, что остановка будет более продолжительной. Но убитых бандитов выгрузили из вагонов, раненых доставили к местному доктору, главный кондуктор оповестил власти об ограблении, и теперь поезд был готов к отправлению.

Тиффани помедлила у постели маршала. Она чувствовала себя виноватой в его ранении. Если бы не она, мистер Гиббонс не оказался бы в этом поезде. Она почти решилась остаться и ухаживать за ним, пока он не поправится, но более здравые мысли возобладали. Вряд ли она сможет быть полезной, не имея представления об уходе за больными. К тому же они могут застрять в этом крохотном городишке, если вслед за экспрессом здесь и другие поезда перестанут останавливаться. При мысли, что придется задержаться в этих диких краях хоть на день дольше, чем она обещала матери, Тиффани содрогнулась.

Шестьдесят дней и ни минутой больше, а потом она вернется в цивилизованный мир. Конечно, она обещала отнестись к Хантеру Каллахану без предубеждения, но, право, сколько времени ей понадобится, чтобы определиться насчет него? Несколько минут, не более.

Тиффани и Анна поспешили на вокзал, прибыв туда за несколько секунд до отправления. Анна уже забралась в поезд, а Тиффани поставила ногу на ступеньку, когда ее окликнула Дженнифер Флеминг, новая экономка Уорренов. Подбежав к вагону, она сунула Тиффани записку.

Тиффани даже не пыталась прочитать ее, не было времени.

— Что случилось? — спросила она.

— Передайте это своему отцу, — торопливо сказала Дженнифер с огорченным — или виноватым? — выражением. — Скажите, что я сожалею.

Раздался свисток, и поезд тронулся. Тиффани оторвала от земли другую ногу и

поспешно забралась в вагон. Дженнифер осталась на платформе, маша рукой, и на ее лице читалось явное облегчение. Заинтригованная, Тиффани заглянула в записку.

— В чем дело? — поинтересовалась Анна.

Тиффани протянула ей листок.

— Прочти сама. Встреча с бандитами оказалась для нее слишком сильным потрясением.

Она возвращается к своему жениху.

— А почему у вас такой вид, словно вы ей завидуете?

— Наверное, потому, что я хотела бы последовать ее примеру, — проворчала Тиффани.

— Надо было сразу отказываться от этой поездки, а не теперь, когда мы практически на месте, — заметила Анна.

Тиффани вздохнула.

— Конечно. Ты бы только видела, какое облегчение было написано на лице Дженнифер. Наверное, она ожидала, что я начну отговаривать ее от возвращения домой.

— А вы стали бы отговаривать?

Внезапно Тиффани охватило негодование.

— Нет, — яростно отозвалась она. — Из нас двоих Дженнифер в лучшем положении. Как я могу упрекать ее в том, что она решила вернуться домой, если и сама не хочу ехать в эти дикие места? Даже если бы моему отцу удалось нанять для меня экономку, я все равно ненавидела бы эту поездку.

— Тогда давайте вернемся! — с досадой в голосе воскликнула Анна.

Тиффани посмотрела на горничную. Понятно, что Анне хочется вернуться на Восток. Она-то не обязана гостить на ранчо. Она не давала никаких обещаний.

— В отличие от тебя я не могу вернуться, — натянуто отозвалась Тиффани. — Но, честное слово, Анна, я не стала бы винить тебя, если бы ты пожелала вернуться туда, где выросла.

Горничная выглядела задетой.

— Не стану отрицать, я думала об этом, когда вокруг летали пули. Но ограбление позади, и, возможно, это самое худшее, с чем мы могли столкнуться. Если вы остаетесь, то и я тоже.

Тиффани стиснула бы горничную в объятиях, если бы та не приняла чопорный вид. Вместо этого Тиффани рассмеялась, покачав головой.

— Даже страшно подумать, какие там слуги, если хороших приходится нанимать на Востоке — только для того, чтобы они сбежали, даже не приступив к своим обязанностям.

Тиффани с Анной были единственными пассажирами, которые сошли в Нэшарте, они все еще препирались, когда ступили на землю Монтаны. Тиффани продолжала упрямиться и хотя в глубине души знала, что Анна права, находилась во власти эмоций, бурливших в ней — страха, обиды, даже гнева. И все потому, что сегодня ей предстояло встретиться с отцом, Франклином Уорреном.

Однако утром ей пришло в голову, как отложить это воссоединение, хотя бы ненадолго. Ей приснился сон, который подал ей идею. Она стояла перед дверью, которая медленно открылась, явив мужчину, стоявшего по другую сторону. У него не было лица, поскольку Тиффани не знала, как он выглядит. Но она поняла, что это отец, и начала кричать, пока не появилась Дженнифер, уговаривая хозяйку бежать вместе с ней. Затем она увидела, как они бегут, держась за руки. Они пробежали весь путь до Нью-Йорка, что было невозможно, даже глупо, но в конце концов это всего лишь сон. Тем не менее ее страхи вышли наружу и, прежде чем сон поблек в сознании, Тиффани сообразила, что есть способ отложить столкновение с этими страхами, по крайней мере на несколько дней.

Оставалось только договориться с Анной. Ее план не сработает, если горничная не согласится содействовать. Право, Тиффани не так уж много просит, всего лишь пару дней, в течение которых она сможет общаться со своим отцом и наблюдать за ним, не открывая, кто она такая. Они приехали на три дня раньше, так что он даже не ожидает ее! И потом, она ведь не отказывается ехать на ранчо и не собирается прятаться в городе.

Но Анна артачилась, доказывая, что тоже может быть упрямой.

— Это даст мне немного времени, чтобы поговорить с братьями, прежде чем представлюсь отцу, — объяснила Тиффани. — Я уже пять лет не видела Роя, а Сэма и Карла еще больше. Они приезжали в последний раз, когда были еще мальчишками. Теперь они мужчины. Мне хотелось бы знать, как они относятся к отцу теперь, когда выросли.

— Вы могли бы расспросить их наедине, не изображая экономку, которую они ожидают. Анна всегда отличалась прямоотой и логикой.

— Проклятие, я не готова стать дочерью Франклина Уоррена, пока ничего не знаю о нем. Я даже не знаю, почему они с мамой расстались. Я надеялась, что она расскажет, когда я вырасту, но напрасно. Вместо этого она сочинила кучу отговорок. Я нисколько не сомневаюсь, что она не позволила бы мне приехать сюда, если бы считала моего отца плохим человеком. Но, должно быть, он сделал что-то такое, что заставило ее уехать, а я не такая всепрощающая, как мама. Честно говоря, не уверена, что смогу примириться с ним, не обвинив во всех грехах, чего он, возможно, не заслуживает, а это не лучший способ познакомиться, верно?

Анна поджала губы.

— А что, если он вас узнает? Что, если...

Почувствовав, что горничная колеблется, Тиффани поспешила закрепить успех.

— Не узнает! Он не видел меня с трех лет. Он посылал мальчиков в Нью-Йорк, но ни разу не приезжал с ними, чтобы повидаться со мной. А я недостаточно похожа на маму, чтобы он догадался, что я его дочь. Конечно, меня могут узнать братья, но я уговорю их подыграть мне. Два дня — это все, чего я прошу.

— Вы не дали мне закончить, — осадил ее Анна. — Он узнает вас по волосам. Такой

оттенок невозможно забыть.

— Ну тогда...

Тиффани замолкла, когда носильщик вынес из поезда несколько чемоданов и поставил их на платформу, заставив путешественниц посторониться. Ее единственный оставшийся чемодан тоже был здесь. Она не стала расстраиваться, когда сообщили, что большую часть ее вещей украли бандиты. Вещи можно заменить. Это всего лишь еще один пункт в списке жалоб, который она собиралась отослать матери, как только представится возможность. Анне повезло больше. Ее чемодан, который она одолжила у родственников, был таким старым и обшарпанным, что грабители пренебрегли им.

— Тогда мы покрасим их, — закончила она, ответив на замечание Анны насчет ее волос.

Та пришла в ужас.

— Нет... ни за что!

— Если ты не поможешь, я сделаю это сама. С черными волосами, возможно, даже братья не узнают меня, а отец и подавно. Черные волосы совершенно собьют его с толку, так что он ничего не заподозрит. Пожалуйста, Анна. Я совсем не знаю отца, а он только и делал, что разочаровывал меня всю жизнь, отказываясь быть ее частью. Я предпочла бы остаться в городе на время ухаживания, которое меня совершенно не интересует, и никогда не видеть Франклина Уоррена. Но поскольку идея с замужеством принадлежит маме, я хотела бы иметь хотя бы несколько дней, чтобы узнать, что он представляет собой на самом деле.

Анна попыталась зайти с другой стороны, чтобы отговорить Тиффани от ее затеи.

— В таком крохотном городишке вы не найдете нужной краски. Посмотрите, здесь только один магазин на, похоже, единственной улице.

Тиффани наконец повернулась и посмотрела на город Нэшарт. Анна немного преувеличила. Здесь было несколько улиц, отходивших от главной, довольно широкой и длинной, по обе стороны которой располагались преимущественно магазины, конторы и другие заведения. Город явно увеличился в размерах с той поры, как здесь жила Роуз, очевидно, благодаря появлению железной дороги.

— Какой сюрприз, — сказала Тиффани. — Похоже, Нэшарт вдвое больше, чем я ожидала исходя из описания мамы. Отсюда даже не видно конца улицы. Там, дальше, могут быть и другие магазины... О Боже, здесь есть театр! — воскликнула она, заметив вывеску. — И ресторан рядом.

Анна не выглядела впечатленной.

— Судя по табличке на двери, он закрыт. Так что я не питала бы особых надежд, мисс Тиффани. Актеры живут в больших городах. В такие места они только приезжают, чтобы дать несколько представлений, а затем перебираются в другой заштатный городишко.

— Да, но, возможно, нам повезет, и такая труппа проследует через город, пока мы здесь будем. А теперь, поскольку в Нэшарте, кажется, есть отель, я сниму для нас комнату. А ты поищи краску. Если ее нет в магазине, попробуй заглянуть в парикмахерскую.

— Если она тут имеется, — проворчала Анна, добавив: — Вы хоть понимаете, что если покрасите волосы, они, пока не отрастут, будут пегими или вам придется их отрезать?

При мысли, что придется отрезать волосы, Тиффани пришла в ужас и подняла руки, признавая поражение.

— Сдаюсь. Я оберну голову шарфом или как-нибудь еще прикрою волосы, чтобы не бросаться в глаза. Что-нибудь придумаем.

Анна покачала головой.

— Вы не продумали всех последствий. Ваш отец был бы только рад, если бы вы появились у его порога раньше, сделав ему сюрприз. Но вряд ли ему понравится, если вы начнете с обмана. И что вы скажете ему, когда покончите с этим маскарадом и признаетесь, кто вы такая?

— Правду. Постараюсь сделать это без лишнего ожесточения, но скажу ему правду. Я слишком долго копила обиду, чтобы держать в себе.

— Что ж, справедливо, — сказала Анна. — Только не забывайте, без ожесточения. Полагаю, вы хотите, чтобы я оставалась в городе, пока вы будете осуществлять свою авантюру?

— Почему?

— Потому что экономки не путешествуют с личными горничными, — заметила Анна.

Тиффани нахмурилась.

— Так что же делать?

— Ладно, думаю, за один день ничего страшного не случится, — снизошла Анна. — На большее я не соглашусь, потому что если этот маскарад протянется дольше, сюрприз превратится в обман.

Добившись своего, Тиффани не могла сдержать улыбку. Одного дня вполне достаточно, чтобы выяснить, как она поведет себя, впервые увидев Франклина Уоррена.

— Наверное, это она, — сказал Коул, обращаясь к старшему брату.

— Черта с два, — буркнул Джон. — Слишком расфуфыренная.

— На востоке все такие. А ты думал, что она явится в ситцевом платье?

— И слишком хорошенькая, — пробормотал Джон. — Не хватает только, чтобы мы привезли домой не ту девицу.

Коул хмыкнул.

— Мы же не собираемся хватать ее и тащить, так что, может, ты просто позволишь мне поговорить с девушкой? А еще лучше, если пойдешь и наймешь повозку, пока я буду обхаживать леди. Чертовски некстати, что наш фургон сломался, когда нужно доставить столько поклажи, прибывшей с этим поездом.

— И не подумаю.

Коул вздохнул, получив столь категоричный ответ.

— Неужели нельзя повести себя разумно хоть раз в жизни? Ты способен запугать кого угодно, когда пребываешь в таком кислом настроении. Стоит сказать хоть слово против, и ты начинаешь махать кулаками. А тут требуется дипломатия. Кстати, что это тебя так завело сегодня?

— Па может думать, что все это очень весело, а я чертовски уверен, что нет, — заявил Джон.

Коул вполне разделял его мнение, учитывая, что именно его недавно подстрелили. Рой Уоррен клялся, что не имеет к этому никакого отношения, но Коул не собирался верить Уорренам на слово. Джон отличался вспыльчивым нравом даже в лучшие дни, и его вообще не стоило посылать на это задание. Они оба унаследовали от отца карие глаза, но Джон пошел в него еще и ростом, будучи намного выше шести футов, а Коул с его шестью футами считался в семье коротышкой. Матери он был обязан своей более умеренной статью, как и цветом волос — русым в отличие от остальных черноволосых мужчин в семье.

— Нам следует поторопиться, — заметил Джон, бросив взгляд вначале в одну сторону, затем в другую. — Уорренов пока не видно, но это может измениться в любой момент. И не могу обещать, что буду смиренно молчать, когда они станут задираться.

Коул кивнул, но его лицо приобрело тревожное выражение, и не из-за Уорренов.

— Возможно, они не в курсе, что поезд прибыл раньше, чем предполагалось, — сказал он, а затем неуверенно добавил: — А что будет, если она не согласится?

— С какой стати?

— Да, но все же? — настаивал Коул.

— Па сказал, что так или иначе, но она должна поехать с нами. Мы сделаем все, что потребуется.

— Па не учел, что весь город будет пялиться на нее. Ты хочешь оказаться в тюрьме?

— Как насчет того, чтобы поговорить с ней, а не перечислять препятствия, с которыми мы еще не столкнулись?

Стоя посреди улицы, Тиффани наконец перестала чихать и одарила свирепым взглядом двух ковбоев, поднявших облако пыли, из-за чего она чуть не задохнулась. Впрочем, вряд ли это была их вина. Они всего лишь остановились на полном скаку, промчавшись мимо нее.

Анна уже отметила, что они вызывают в городе своего рода ажиотаж. Вот почему они спешили скрыться в отеле. Люди выходили из магазинов, чтобы посмотреть на незнакомок, свешивались с балконов, указывали пальцами. Тиффани была несколько удивлена, увидев такое количество женщин, одетых в домотканые платья, и мужчин в рабочей одежде, с револьверами на поясе. Похоже, мода еще не добралась до этих мест, но неужели в Нэшарте так мало приезжих?

Тиффани прижала к носу платок. Еще один повод ненавидеть Запад. Пыль. Она оседала на одежде, приглушая оттенки, и заставляла чихать. В больших городах пыль находилась под контролем, а как бороться с ней на этих грязных улочках?

— Мне хотелось только сменить одежду, которую мы носили несколько дней, но теперь понадобится еще и ванна, — пожаловалась Тиффани Анне.

— Вы и вправду думаете, что найдете здесь ванну?

Тиффани обернулась, в ужасе поглядев на горничную, и обнаружила, что та указывает на вывеску «Бани Тидуэлла, горячая вода и мыло».

— Чудесно, — простонала Тиффани. — Хвастаются, что у них есть мыло, словно ни у кого в городе его больше нет. Думаю, нам следует вернуться в поезд, пока он не отбыл.

— Баня расположена рядом с таверной, которых в этом городе, на мой взгляд, слишком много. Так что это, наверное, для мужчин, которые не собираются останавливаться в отеле.

После пылевого облака, через которое они прошли, Тиффани была не в том настроении, чтобы довольствоваться таким слабым утешением. В данный момент ее не удовлетворило бы ничего, кроме горячей ванны в отдельном помещении.

— Здесь это называется салунами, и если ты пытаешься утешить меня, то это бесполезно.

— В отеле наверняка есть все удобства. Я готова поставить на это свою недельную зарплату.

Тиффани наконец заметила лукавый блеск в глазах Анны. Горничная явно поддразнивала ее, сдерживая смех.

— Ты сегодня полна сюрпризов, Анна Уэстон. Тебе повезло, что я не уволила тебя за оспаривание моих решений. Хотя могла бы. А теперь давай выберемся из-под этого солнца и из этой пыли.

Анна опустила голову, не в силах больше скрывать улыбку.

— Да, мисс Тиффани.

Тиффани фыркнула. Они пересекли широкую улицу и собирались войти в отель, когда за их спинами раздался низкий мужской голос:

— Вы случайно не экономка, мэм?

Тиффани не удивилась, что их встречают. Дженнифер, должно быть, предупредила своего нового хозяина об изменении расписания, как только пассажирам сообщили, что поезд из-за переселенцев прибудет раньше. Тиффани повернулась, ожидая увидеть одного из своих братьев. Это было бы прекрасной возможностью предупредить их, что она на один день хотела бы сохранить свое инкогнито, даже если они не узнают ее сразу. Однако, несмотря на годы, прошедшие с тех пор, как она видела братьев в последний раз, Тиффани была уверена, что белокурые и рыжие волосы не могли превратиться в черные и русые. И ни

у одного из ее братьев не было карих глаз.

Это были те самые ковбои, что минуту назад подняли облако пыли, в котором она чуть не задохнулась. Что ж, напомнила себе Тиффани, она всего лишь служащая, пусть даже только изображает таковую. Поэтому ей не следует удивляться, что отец прислал за ней пару работников.

— Да, меня наняли... — начала она.

— Мы знаем, кто послал за вами, мэм, — перебил ее ковбой с русыми волосами. — Мы приехали, чтобы уговорить вас поступить на службу к нам, а не к ним.

Тиффани нахмурилась, переводя взгляд с одного молодого мужчины на другого. Оба были высокими, красивыми и, судя по внешнему сходству, приходились друг другу братьями. Но почему они обратились к ней, если не служат у ее отца?

— Вы не с ранчо Уорренов? — уточнила она.

— Нет, но не могли бы мы зайти в отель, чтобы покончить с этим дельцем? Прежде чем появятся Уоррены?

— У нас нет никакого дела...

— Будет.

— Нет, не будет, — отрезала Тиффани, повернувшись к ним спиной, и вошла в отель.

Ковбои двинулись следом, но Анна преградила им путь, недвусмысленно давая понять, что они больше не должны надоедать ее хозяйке. Ковбои просто обошли ее, словно даже не заметили!

— Мэм, вы должны нас выслушать.

Тиффани резко обернулась, пораженная, что незнакомцы проследовали за ней внутрь. Анна теперь находилась за их спинами, достаточно рассерженная, чтобы швырнуть в них свою сумочку, что, пожалуй, было не лучшей идеей, когда имеешь дело с двумя вооруженными ковбоями.

Тиффани пришла в отчаяние. Это же смешно! Ей чертовски нужна ванна, и она не желает звать на помощь, чтобы избавиться от двух назойливых ковбоев. В холле отеля было пусто, не считая пожилого служащего, который мел пол в задней части просторного помещения. Тиффани подняла руку, чтобы остановить Анну, прежде чем та перейдет к решительным действиям в ее защиту, и повернулась к русоволосому незнакомцу.

— Ладно, выкладывайте, что хотели сказать, и уходите, — сказала она. — Только как можно короче.

— Вы чертовски высокомерны для экономки, — заметил второй ковбой.

Глаза Тиффани изумленно расширились. Он еще и недоволен ее поведением? Но прежде чем она открыла рот, чтобы отчитать нахала, русоволосый снял свою широкополую шляпу, хлопнув своего спутника по спине.

— А как ты себе представлял этих шикарных штучек с востока? — сердито поинтересовался он.

— Она всего лишь служанка...

— Шикарная служанка. Когда па услышит, что ты испортил все дело, раскрыв свой дурацкий рот, он сдерет с тебя шкуру.

Черноволосый ковбой побагровел, но Тиффани сомневалась, что от смущения. Он выглядел старше своего спутника, и, возможно, ему не понравилось, что его одергивает младший. Она надеялась, что не покраснела сама, заслужив справедливый упрек в том, что у нее нет оснований вести себя так величественно, раз согласилась с предположением, что она

экономка, нанятая Уорренами.

— Прошу прощения, мэм, — примирительно сказал русоволосый, все еще держа шляпу в руках. — Меня зовут Коул Каллахан. А это мой брат Джон. Мы соседи старого склочника, что вас нанял, хотя нас никак не назовешь друзьями.

Тиффани едва устояла на ногах, обнаружив, что эти ковбои — братья ее жениха. Лицо Анны приняло виноватое выражение. Видимо, она и вправду собиралась стукнуть их своей сумкой, о чем пришлось бы пожалеть, поскольку они оказались братьями жениха ее хозяйки.

Тиффани удивило, что они назвали ее отца старым склочником. Неужели это из-за того, что ее мать бросила Франклина? И он превратился в неприятного типа, с которым невозможно поладить. Роуз обладала слишком сильным характером, чтобы долго мириться со вспыльчивым нравом мужа. Но старый? Впрочем, эти молодцы, наверное, считают старыми всех, кому за сорок.

Заинтригованная, она пристальнее взгляделась в парней, гадая, похож ли на них Хантер. У нее возникла дюжина вопросов, ни один из которых она не могла задать, поскольку предполагалось, что она ничего не знает о Каллаханах!

— Приятно познакомиться с соседями моего хозяина, — произнесла Тиффани куда более любезным тоном. — Даже если вы не являетесь его лучшими друзьями.

— Это слишком мягко сказано, — проворчал Джон. — Таким лжецам и вора́м, как они, нельзя доверять. Вам повезло, что мы хотим спасти вас.

Тиффани напряглась, возмущенная такой характеристикой ее братьев.

— А почему я должна верить вам на слово? — резко спросила она.

— Спокойно, Джон, — предостерег Коул своего высоченного брата.

Тиффани было наплевать, что старшему Каллахану не понравился ее вопрос. Если он намерен оскорблять членов ее семьи, то пусть готовится к отпору. Вот черт, неужели так и зарождается вражда?

Но Джон всего лишь крикнул кому-то:

— Эй, Билли, поручись за меня. Как по-твоему, я честный человек?

Обернувшись, Тиффани обнаружила, что он обращается к щуплому служащему, который подметал пол.

— Когда не играешь в покер, — с усмешкой отозвался тот.

— Отвечай на вопрос, черт тебя побери, — нетерпеливо бросил Джон.

— Честный, честный... во всем, что не касается покера, — вновь с усмешкой повторил Билли и поспешно удалился, скрывшись в задней части отеля.

Тиффани обратила внимание, что Джон не стал требовать у знакомого подтверждения нечестности Уорренов. Впрочем, учитывая внушительные размеры и грозные манеры Джона, она бы не удивилась, если бы он получил утвердительный ответ от любого, кого бы ни попросил поручиться за него.

Поэтому не стала спорить с ним и просто сказала:

— Спасибо за предупреждение, джентльмены, но я уже дала согласие. Поэтому если это единственная причина, по которой вы меня задержали, я пойду. Всего хорошего.

— У нас есть предложение получше, — заявил Джон. — Как насчет того, чтобы удвоить...

Коул ткнул брата локтем, прервав на полуслове.

— Дело в том, мэм, — сказал он, — что Уорренам не нужна экономка, а нам нужна. Более того, мы только что лишились повара. Так что мы решили убить сразу двух зайцев:

похитить вас из-под носа Фрэнка и обзавестись помощницей по хозяйству.

— Похитить? — ахнула Тиффани.

Джон двинул брата плечом, так что тот отлетел на середину холла, и без помех закончил то, что собирался сказать:

— Мой брат хотел сказать, что мы заплатим вам вдвое больше, чем предложил старина Фрэнк, если согласитесь работать на нас.

Тиффани с трудом сдержала смех. Какой служащий откажется от двойного жалованья? Дженнифер определенно не стала бы отказываться, учитывая, что деньги были мотивом ее приезда. Она упомянула, что они с женихом хотели бы накопить приличную сумму, прежде чем вступать в брак. Вполне логично, что она приняла бы предложение Каллаханов.

Воистину одним ударом убила двух зайцев. Вот только братья Каллахан не знают, что это ее зайцы. Теперь она может вообще не встречаться с отцом и тем не менее сдержать обещание, данное матери, а заодно выяснить, что за человек Хантер Каллахан, причем тот не будет знать, кто она такая. Эта мысль сняла с ее души огромный груз. Тиффани испытала такое облегчение, что даже не заметила, как напряглись братья в ожидании ее ответа. Она старательно избегала взгляда Анны, потому что не собиралась обсуждать это решение с горничной.

Тиффани помедлила, пытаясь влезть в шкуру Дженнифер. В отличие от нее Дженнифер не знала, что Каллаханы — известная в этих краях семья. Было бы логично, если бы она выставила дополнительные условия.

Тиффани пришло в голову только одно:

— Меня заверили, что у меня будет отдельная комната...

Джон парировал, не дожидаясь конца фразы.

— Почему бы и нет, учитывая, что у нас полно свободных комнат.

— С замком на двери.

— Они все с замками.

— И я рассчитываю, что жалованье мне будет выплачиваться в конце каждой недели, — добавила она, не придумав ничего лучше.

— Работникам платит отец. Я передам ему.

— Отлично. Я принимаю ваше предложение.

Впервые за все время Джон улыбнулся. Его облегчение было таким очевидным, что заставило Тиффани задаться вопросом, что могло бы случиться, если бы она отклонила их предложение.

— Вы не пожалеете, — заверил он ее.

Бросив взгляд на Анну, которая открыла было рот, чтобы вмешаться, Тиффани поспешно добавила:

— Дайте мне несколько минут, чтобы попрощаться с подругой, с которой я познакомилась в поезде, и я присоединюсь к вам на улице.

Братья Каллахан обернулись, чтобы посмотреть на «подругу», затем коснулись полей шляп и двинулись к выходу. Не успела за ними закрыться дверь отеля, как Анна набросилась на хозяйку.

— Вы что, рехнулись?

Тиффани взяла ее под руку и отвела в сторонку.

— Тише!

Горничная свирепо смотрела на нее.

— Предполагалось, что этот ваш маскарад продлится только один день! — воскликнула она несколько тише, но с не меньшим отчаянием в голосе. — И вы собирались дурачить только своего отца, а не весь город.

— Да, но кто мог подумать, что мне представится такой шанс? — возбужденно возразила Тиффани. — Анна, не мешай мне. Ты все испортишь. Я намерена сыграть роль Дженифер... как ее фамилия, кстати? Я слышала ее только один раз и не запомнила.

— Флеминг.

— Ты уверена? План не сработает, если я перепутаю имя.

— Уверена. Но он все равно не сработает. У вас нет гардероба, подходящего для экономки.

Тиффани рассмеялась, довольная, что это единственное возражение, которое смогла придумать Анна.

— Они не знают, что мне полагается или не полагается носить. Я вообще сомневаюсь, что они знают, в чем заключаются обязанности экономки. Кроме того, мой гардероб рассеян по окрестностям, включая все вечерние платья. Я могу сказать, что грабители украли мою рабочую одежду, если они решат, что оставшиеся платья слишком нарядные.

— Вы не забыли, что вас ожидает отец? — напомнила Анна.

— Не в ближайшие несколько дней. Этого хватит, чтобы мама сообщила ему, что я задерживаюсь.

— А откуда она узнает об этом, не говоря уже о ее согласии на эту авантюру?

— Анна, я не обещала маме, что встречу с отцом. Я обещала, что дам Хантеру Каллахану как минимум два месяца. Я пошлю ей телеграмму, прежде чем уеду из города, чтобы она могла организовать «задержку» моего прибытия на отцовское ранчо.

— Я очень удивлюсь, если это не заставит ее сесть в ближайший поезд и приехать сюда.

Тиффани вздохнула.

— Я бы не возражала, но вряд ли. В любом случае завтра я напишу ей письмо с подробным объяснением. В отличие от тебя она поймет, что это гораздо лучший способ справиться с такой жуткой ситуацией.

— О, она придет в ярость, потому что теперь ей придется лгать вашему отцу, чтобы оправдать ваше отсутствие.

Тиффани скорчила гримаску.

— Это будет не в первый раз. Мама сама призналась, что лгала ему и раньше, чтобы выкинуть из своей жизни. Почему бы ей не сделать то же самое для меня?

— Я вообще не понимаю, зачем вам это нужно.

Это заявление задело столь чувствительную струну, что Тиффани чуть не выболтала правду: ее пугает предстоящая встреча с Франклином Уорреном. Когда-то она ничего так не хотела, как встретиться со своим безликим отцом. А теперь нет ни малейшего желания даже знакомиться с ним. Ее пребывание в Нэшарте не имеет к нему никакого отношения. Эта помолвка даже не была его идеей. Франклин всего лишь желал покончить с враждой с Каллаханами. Это единственная причина, почему он захотел, чтобы дочь приехала.

Но Анна этого не знает.

— Разве я когда-нибудь говорила, что мне нравится эта ситуация? — осведомилась Тиффани. — Ни разу. Я рассматриваю эту поездку в Монтану как двухмесячное тюремное заключение, и как только дверь камеры откроется, мы сядем на поезд и вернемся домой.

Анна нахмурилась.

— По-моему, вы сказали матери, что отнесетесь к своему жениху без предубеждения.

— Он мне не жених. Да, я отнесусь к нему без предубеждения. Но только на одну минуту. Ровно столько мне понадобится, чтобы понять, что он мне не подходит. Он ковбой,

Анна. Ты можешь представить, чтобы я вышла за ковбоя?

Анна цокнула языком.

— Я бы не сказала, что это значит отнестись без предубеждения.

— Два месяца и ни днем больше, — скрипнув зубами, заявила Тиффани.

— В ваших устах это звучит как наказание, но я определенно не вижу вашу помолвку в таком мрачном свете.

— Еще бы! Это ведь не тебя попросили выйти замуж за незнакомого человека, — парировала Тиффани.

— Верно, но вас тоже никто не просил. Никто не собирается тащить вас к алтарю. Что касается вашего нареченного, то он недолго будет оставаться для вас незнакомцем. И знаете ли, на это можно посмотреть под другим углом. Я согласилась сопровождать вас в Монтану, потому что в отличие от вас полагала, что получу удовольствие от нового опыта. Новые места, новые люди вдали от городского шума и суеты. И, не считая ограбления поезда, я наслаждалась поездкой. Вы тоже всю жизнь прожили в городе. Разве вам совсем не любопытно, как живут люди в этой части страны?

«Нисколько», — подумала Тиффани, но она устала сталкиваться лбом с Анной. Для человека, который не хочет быть ей другом, та слишком много себе позволяет в этом путешествии. И может все испортить, если откажется подыгрывать. Пожалуй, нужно дать ей разумное объяснение.

— Ты не учла возможных последствий, — сказала Тиффани. — Что, если я и вправду увлекусь своим женихом и решу, что ради любви смогу приспособиться к жизни здесь, а после свадьбы обнаружится, что он ужасный человек? Что тогда? Пуститься в бега, как это сделала мама? А как я узнаю, каков он на самом деле, если он явится ухаживать за мной во вражеский лагерь? Он будет держаться настороже либо притворится, чтобы произвести на меня впечатление. В обоих случаях это будет неестественное поведение, тебе не кажется? И тут вдруг мне представляется уникальная возможность выяснить, каков он на самом деле, прежде чем он наденет маску. Не хотелось бы узнать это после свадьбы, когда будет слишком поздно. Так что позволь познакомиться с этими людьми, прежде чем мне придется иметь дело с их притворством. — Она упрямо вздернула подбородок. — И если ты не считаешь это достаточной причиной, тем хуже.

Анна задумалась, видимо, размышляя над словами хозяйки.

— Кажется, они считают, — произнесла она наконец, — что экономка еще и кухарка.

Тиффани, ожидавшая потока упреков и возражений, а не этого практичного замечания, сообразила, что Анна согласна, и рассмеялась.

— И что? Я объясню, в чем заключаются обязанности экономки. Лучше скажи, у тебя еще остались деньги, которые дала мама? — Анна кивнула. — Сними комнату, как мы и собирались, но на более длительный срок. Можешь считать это отпуском. Я зайду к тебе завтра, когда приеду, чтобы отправить письмо маме, и дам знать, как все складывается.

Сжав Анну в коротком объятии, Тиффани вышла из отеля, прежде чем та успела передумать и привести новые возражения. Снаружи ее ждал только один из братьев. Тиффани была рада, что не ворчливый.

— Мне нужен носильщик, чтобы донести чемодан, — сказала она. — Он довольно тяжелый.

Секунду он молча смотрел на нее, явно озадаченный. Тиффани вздохнула. Наверное, не следует отдавать ему приказы. Придется быть осторожнее, если она хочет, чтобы поверили,

что она служанка.

Коул рассмеялся.

— Здесь нет носильщиков, мэм. Джон отправился по делам, нанять повозку и забрать новые колеса для нашего сломавшегося фургона. Он будет ждать нас на вокзале.

— Отлично. Не могли бы вы показать контору телеграфиста? Нужно сообщить родным, что я благополучно прибыла.

— У нас нет конторы телеграфиста, хотя телеграф имеется. Я провожу вас.

— Спасибо, — сказала она.

Это оказалось недалеко, прямо через дорогу. К счастью, им не встретилось ни одного всадника, который поднял бы облако пыли. Они направились к зданию, на котором красовалась вывеска: «Почтовая станция». В нижней ее части было приписано от руки: «И телеграф».

— Удивительно, что железная дорога не оставила почтовые кареты без работы, — заметила Тиффани.

— На Севере и Юге еще имеются населенные пункты, куда не доходят железнодорожные пути. Если не возражаете, я бы остался снаружи, чтобы не проворонить Уорренов. Не хотелось бы ввязываться в перестрелку из-за того, что мы выхватили вас у них из-под носа.

Это было тревожное заявление, но поскольку Коул сопровождал его ухмылкой, Тиффани решила, что он пошутил.

Войдя в контору, она направилась к стойке телеграфиста, но помедлила, сообразив, что тот может предупредить ее отца. Наверняка в таком маленьком городке все знают друг друга. Поэтому она составила послание без подписи, адресованное Р. У. в отеле в Чикаго, где остановилась Роуз. Сколько еще постояльцев могут иметь такие инициалы? Телеграмма гласила:

«Планы изменились. Объясни папе, что я задерживаюсь. Подробности письмом».

Тиффани воздержалась от замечаний по поводу средства передвижения, в которое ее усадили братья Каллахан, но она была крайне возмущена, что ей пришлось ехать в грузовой повозке! Сиденье кучера, где она восседала, не имело ни спинки, ни навеса, чтобы защитить от июньского солнца, с каждым часом становившегося все жарче. Тиффани ужасала мысль, что к тому времени, когда они доберутся до ранчо, она начнет потеть или, хуже того, покроется загаром!

Если бы она знала, что в оставшемся чемодане есть зонтик, она попросила бы братьев остановиться, чтобы достать его. Но поскольку вещи паковала Анна, будет неловко, если заставить братьев ждать, пока она перероет весь чемодан, а потом обнаружится, что зонтика там нет. Ее изящная шляпка была скорее данью моде и практически не защищала от солнца. Тиффани решила проблему, заслонив лицо ладонью. Теперь понятно, почему здешние мужчины носят шляпы с такими широкими полями. Она даже видела в городе нескольких женщин в таких же шляпах.

Каретой правил Коул, Джон скакал рядом. Тиффани сидела, чопорно выпрямившись, как того требовали приличия, но спина начала уставать от усилий держаться прямо. Мать прослезилась бы, увидев, какие неудобства ей приходится терпеть, выполняя свое обещание. Впрочем, вряд ли. Скорее Роуз попыталась бы приободрить дочь, сказав что-нибудь вроде: «Представь, как ты будешь смеяться, рассказывая об этом своим внукам». Тиффани мысленно фыркнула. Ее внуки будут настоящими горожанами и придут в ужас от испытаний, выпавших на ее долю. Но в сознании раздался голос матери, шепнувшей в ответ: «Или выводком маленьких ковбоев, которые придут в ужас от подобной изнеженности».

Право, это какое-то безумие. Она должна жить дома, в Нью-Йорке, наслаждаясь вихрем светской жизни со своими друзьями, посещая чудесные вечеринки, встречаясь с достойными молодыми джентльменами, которые никогда не слышали о бандитах, не говоря уж об индейцах! И из-за чего все эти жертвы? Из-за того, что двое соседей не могут поладить между собой и вести себя по-соседски?

— Если увидите всадников, скачущих по направлению к нам, падайте на дно и прячьтесь, — произнес Коул, грубо нарушив ход ее невеселых мыслей.

— Что?! — ахнула она.

— Это могут быть Уоррены.

Тиффани прикусила язык, сдерживая ответную реплику. Что сказала бы на ее месте Дженнифер? Возможно, она была бы рада случаю сообщить Уорренам, что решила работать на Каллаханов, потому что те предложили двойное жалованье. Не слишком благородно, но настоящая Дженнифер скорее всего поступила бы именно так, получив подобное предложение.

Придется ответить в духе Дженнифер, даже если она рискует столкнуться с отцом и братьями, что совершенно ни к чему, решила Тиффани.

— Мне следовало сообщить им, что я решила работать на вас. Это было бы честнее.

Коул фыркнул.

— Уоррены не знают, что такое честь, так что не забивайте свою хорошенькую головку подобной чепухой. К тому же это была папина идея: воткнуть эту маленькую колючку в бок старине Фрэнку, выхватив вас у него из-под носа. Так что не будем лишать его удовольствия

позлорадствовать, когда все откроется.

Тиффани встревожилась. Если Каллаханы намерены сообщить Фрэнку, что Дженнифер у них, она не сможет переслать отцу записку Дженнифер, где та уведомляла о своем возвращении в Чикаго. Это вызовет подозрения и, возможно, даже приведет Фрэнка к мнимой Дженнифер с требованием объяснить, что все это значит. Интересно, задалась она вопросом, был ли Фрэнк честен в своих письмах к Роуз? Похоже, давняя вражда не только не затихла, как он пытался уверить мать, а обострилась. Презрение, с которым Каллаханы отзывались о ее семье, наводило на мысли, что даже брак не сможет положить конец этому противостоянию. Может, Каллаханы уже отзывали свое согласие и ей вообще незачем находиться здесь?

Это было нечто, что требовалось выяснить немедленно.

— Вы говорили, что не дружите со своими соседями, но складывается впечатление, что я попала в гущу военных действий. Я права?

Коул хмыкнул.

— Нет, мэм. Можно ненавидеть соседей, не убивая их.

Вот и конец ее надеждам на скорый отъезд. Поскольку Коул не сказал ни слова о вражде, Тиффани не могла спросить напрямую, ведь Дженнифер ничего не знала о семейных распрях. Ладно, она попытается разузнать побольше, когда прибудет на место. Вряд ли кто-нибудь удивится, что экономка проявляет интерес к людям, на которых работает.

Коул, во время разговора бросавший на нее взгляды, наконец заметил, что ей мешает солнце.

— Давайте поменяемся местами, — предложил он, остановив повозку. — Попробую организовать вам тенечек. — Он взял ее за руку и помог обойти вокруг него, не потеряв равновесия.

Его высокая фигура действительно немного заслонила солнце, но Коул этим не ограничился. Он снял свою широкополую шляпу и водрузил на голову Тиффани, прямо на шляпку, которая не давала шляпе Коула сползать ей на глаза. Тиффани чуть не рассмеялась, представив, как она выглядит. Но шляпа действительно заслонила ее лицо от солнца, особенно когда она надела ее под нужным углом. Тиффани была более чем благодарна Коулу за его заботу и почувствовала чуть большее расположение к Каллаханам, по крайней мере к этому представителю семейства.

— Спасибо, — сказала она, одарив улыбкой, когда он тронул повозку с места. — Кстати, как вы узнали, что я приеду?

— Услышали, как трепался один из недовольных слуг Уорренов.

— Но как вы узнали, что я приеду сегодня? Ведь поезд прибыл на три дня раньше?

— Мы не знали. Нам надо было забрать на станции груз. — Он сделал жест в сторону задней части повозки. Обернувшись, Тиффани увидела пару ящиков, похожих на те, что разгрузили с поезда. — Там нам сказали, что поезд прибывает сегодня. Мы надеялись, что вы окажетесь в этом поезде, но не думали, что так повезет.

Ее отцу следовало тоже быть на станции, чтобы встретить ее, подумала Тиффани. Но, очевидно, его не настолько волнует безопасность дочери, чтобы уточнить расписание поезда и выяснить, что она приедет раньше.

Она подавила вспышку обиды, вызванную этой мыслью, и поинтересовалась:

— Каким хозяйством мне предстоит заняться? Сколько у вас слуг?

— Две горничные. Возможно, этого недостаточно, но прислугу трудно найти в наших

краях.

Тиффани не верила своим ушам. Зачем нанимать экономку, если нет штата слуг, которыми нужно управлять? Но поскольку Каллаханы предоставили ей возможность выполнить обещание, которая она дала матери, и встретиться с Хантером Каллаханом, избежав встречи с отцом, она не собиралась указывать им на это.

— Вы не могли бы рассказать о вашей семье и месте, куда мы едем? — спросила она.

— Мы разводим скот, как и Уоррены. Нам принадлежит ранчо «Трипл-Си», которое включает пятьсот акров земли и более тысячи голов скота.

Впечатленная, Тиффани тем не менее поинтересовалась:

— Этого достаточно для такого количества животных?

Он хмыкнул.

— Конечно, нет. Никто не держит стадо на ранчо. Вокруг полно открытого пространства.

— В каком смысле?

— Все пастбища общедоступны.

Выходит, между двумя ранчо нет споров из-за земли, только из-за воды, но Тиффани пока еще не видела никаких признаков водоемов. По обе стороны дороги тянулись поросшие зеленой травой луга, а вдалеке виднелись горы с увенчанными снегом вершинами. Тиффани никогда не видела такой впечатляющей картины, разве что на картинках. Они миновали лесок с бревенчатой хижиной на опушке, а затем здание в новоанглийском стиле, которое стояло особняком, напомнив Тиффани о доме. Оно было построено из камня, следовательно, где-то поблизости имелась каменоломня. Тиффани слышала, что на территории Монтаны развивается промышленность, но вмешательство человека было слишком незначительным, чтобы нарушить первозданную красоту нетронутой природы.

Она не могла не признать, что это красивый край, хотя никогда бы не призналась в этом Анне. Но Коул пока еще ничего не рассказал о своей семье и Хантере, к которому она испытывала наибольший интерес.

— У вас большая семья? — поинтересовалась она в надежде, что тот упомянет ее жениха.

— У меня три брата. Я младший, Хантер старший. Морган, этакий болван, подхватил золотую лихорадку и сбежал в прошлом году, когда нашли золото в окрестностях Бьютта, одного из шахтерских городков, разбросанных по Монтане. Па был вне себя, но Морган еще тот упрямец. К тому же он действительно нашел золото, возможно, недостаточно, чтобы разбогатеть, но вполне достаточно, чтобы не возвращаться домой.

— А почему вы считаете его болваном?

Коул презрительно фыркнул.

— В Монтане уже больше шахт, чем можно сосчитать. В прошлом году на нашей земле нашли медь! Па рассчитывал, что это вернет Моргана домой. Он сказал, что если тот намерен позорить семью, работая на шахте, то мог бы делать это и дома. Но это не подействовало. Пока.

К сожалению, он не сказал ничего такого, что дало бы Тиффани повод задать вопрос о Хантере. Придется подождать, пока они встретятся и выяснится, что он собой представляет.

Впереди виднелся большой пруд — или небольшое озеро? — в окружении лугов, усыпанных голубыми и золотистыми цветами. На берегу росло несколько тенистых деревьев. Это было прелестное местечко, где так хорошо было бы устроить пикник.

Дорога вела прямо к озерцу и разветвлялась по обе стороны от него. Ручей, который питал его водой, был довольно широким и, вероятно, от таяния снегов казался слишком глубоким, чтобы сейчас его можно было пересечь. Чуть дальше, на левом берегу ручья, виднелась темно-коричневая масса, возбудившая любопытство Тиффани.

— Что это? — спросила она.

Коул проследил за ее взглядом.

— Стадо Уорренов. Это их время дня.

— Их время?

— Привести скот на водопой. У них утро, у нас полдень. Мы давно решили не испытывать судьбу, встречаясь у ручья.

— Почему?

— Незачем возбуждать людей. Даже один выстрел может вызвать паническое бегство скота. Такое уже не раз случалось.

Тиффани слушала вполуха. Ее внимание было приковано к всадникам, караулившим посередине ручья, чтобы не дать стаду перебраться на другую сторону. Когда она сообразила, что это могут быть братья, ее охватило волнение. Но ковбои были слишком далеко, чтобы определить точно. А потом повозка свернула, стадо с ковбоями исчезло из виду, и впереди показалось строящееся здание. Оно еще не имело стен, только несущие балки, но было очевидно, что из его окон откроется восхитительный вид на озеро...

О Господи, сообразила Тиффани, должно быть, это и есть полоска земли, на которую претендуют оба ранчо. А это, по всей вероятности, дом, который обе семьи строили для нее и Хантера и который они перестали строить, потому что не смогли поладить. Тем лучше, поскольку она не собирается в нем жить.

При этой мысли она ощутила неловкость. Эти люди надеются, что ее свадьба положит конец вражде. Дом останется пустым, если она не выйдет замуж за Хантера. Скорее всего его вообще никогда не достроят. На плечи легла тяжесть, и Тиффани раздраженно стряхнула ее. Право, она не обязана приносить мир в эти края!

Вскоре они свернули с дороги и подъехали к большому дому с длинной крытой верандой. Двухэтажный, сложенный из тесаных бревен, дом Каллаханов не имел ничего общего с бревенчатой хижинкой, которую она ожидала увидеть. В нем не было ничего деревенского. По крайней мере снаружи, если, конечно, не замечать плевательницы, расположенной между двумя плетеными креслами на одном конце веранды, и грязных следов, ведущих к двери.

Джон спешил и помог вылезти из повозки Тиффани после того, как она вернула Коулу шляпу.

— Я хотела бы устроиться в своей комнате и принять ванну, — сказала она, как только ее ноги коснулись земли. — Здесь есть дворецкий, чтобы распорядиться...

— Это еще зачем? — перебил ее Коул, обойдя повозку. — Здесь хватает места. Па рассчитывал, что у него будет больше четырех детей, и построил дом с запасом. Внизу все спальни заняты, но наверху полно пустых комнат. Выбирайте любую. И вам не придется ходить к колодцу за водой, у нас есть насосы.

Тиффани застонала про себя. Неужели все домочадцы пользуются одной ванной? Это просто невыносимо. Пожалуй, ее намерение сыграть роль экономки не такая уж хорошая идея.

Внезапно Коул взглянул поверх ее головы и крикнул:

— Нам не помешает помощь, Хантер!

— Ну уж нет, — раздался смех за ее спиной. — Это была не моя идея — позлить Уорренов. Вы похитили его шикарную экономку, вы с ней и разбирайтесь.

Тиффани резко обернулась в надежде увидеть своего жениха. Но всадников было двое, и она не имела понятия, который из них Хантер Каллахан. В любом случае они проехали слишком быстро, чтобы она могла рассмотреть их лица.

Но тут слова Хантера дошли до ее сознания, и она обратила на Коула изумленный взгляд.

— Похитили?

Коул помедлил с ответом, но его лицо определенно покраснело. Он попытался взять ее под руку, чтобы проводить к двери, но Тиффани резко выдернула руку.

— Ну ведь до этого не дошло, не так ли? — покаянно произнес он наконец.

— Но могло дойти?

— Не надо так волноваться. Па велел привезти вас сюда, так или иначе. Но мы не стали бы удерживать вас долго, только чтобы позлить Уорренов.

Опять эта чертова вражда! В планы Тиффани никак не входит, чтобы ее держали здесь как заложницу. Но если она признается, кто такая, они отвезут ее прямиком к отцу, чего не должно случиться ни в коем случае.

Тиффани ограничилась тем, что одарила Коула злобным взглядом.

— Вы ковбои или бандиты? — язвительно поинтересовалась она. — Хотелось бы знать, прежде чем входить в ваше... логово.

— Мы чтим закон, мэм, — отозвался он, оправдываясь.

— Скорее обходите его.

— По-вашему, заплатить вдвое больше, чем вы стоите, значит обойти закон?

Тиффани слегка покраснела, смущенная подобной прямоотой, и, коротко кивнув, двинулась по направлению к своему временному жилищу. Но едва она пересекла порог, как резко остановилась. И принялась. Каллаханам нужна не экономка. Им нужен новый дом. Этот превратился в помойку.

Короткий затоптанный коридор вел в просторную комнату, где громоздилось несколько кушеток и кресел. Мебель, очевидно, доставленная с востока, когда-то была красивой, но теперь обветшала и выцвела. Камин почернел от дыма, который, должно быть, затягивало в комнату из-за неисправности дымохода. На стенах вкривь и вкось висели картины, деревянный пол был покрыт слоем пыли, таким толстым, что на нем отпечатались следы подошв. Неужели в этом доме совсем нет слуг?

Тиффани обернулась, чтобы задать этот вопрос Коулу, и вскрикнула, поймав собственное отражение в овальном зеркале, висевшем на стене коридора. Ее лицо казалось серым от пыли и было заляпано грязью. Она с трудом узнала себя. Вытащив платок, принялась тереть щеки, но без воды только размазала грязь.

— Увидели мышь? — поинтересовался Коул, внося в дом ее чемодан, и добавил в ответ на ее непонимающий взгляд: — Вы вопили на весь дом.

— Ничего подобного, — заявила она. — Я всего лишь вскрикнула. Кстати, терпеть не могу мышей. Если вы хотите сказать, что дом кишит мышами, то можете сразу отнести мой чемодан обратно в повозку.

Он хмыкнул.

— Лично я никаких мышей не замечал. А теперь бегите наверх и выберите комнату, куда отнести этот неподъемный чемодан.

— Можете поставить его здесь. Сейчас для меня первоочередная задача — смыть всю пыль и грязь, в которой я по вашей милости вымазалась. Покажите, где я могу вымыться.

— Отнеси это наверх, Коул. Я провожу нашу гостью, куда она хочет.

Коул обернулся на голос.

— А я думал, что ты...

— Любопытство оказалось сильнее меня, — перебил его вновь прибывший и двинулся назад, туда, откуда пришел. К тому времени, когда Тиффани обернулась, она увидела только его широкую спину. — Пойдемте, Рыжик. Ванна там.

В обычных обстоятельствах она бы не сдвинулась ни на шаг. Какое нахальство! Неужели он действительно придумал прозвище исходя из цвета ее волос? Но все ее тело зудело от пыли, забившейся под одежду.

Тиффани поспешила за высоким незнакомцем, неодобрительно поглядывая на его длинные черные волосы. Она бы приняла его за слугу, если бы не револьвер, заткнутый за пояс. Или в Монтане даже слуги носят оружие?

Они миновали лестницу, ведущую на второй этаж, и двинулись по полутемному коридору. В конце виднелся свет, лившийся из открытой двери. Это оказалась кухня. Тиффани бросила взгляд внутрь и крепко зажмурилась. Затем сосчитала до десяти и вознесла короткую молитву, прося Господа дать ей сил. Кто бы ни готовил здесь в последний раз, он оставил кухню заваленной грязными тарелками и кастрюлями.

— Пожалуй, вас действительно не мешало бы отмыть, — со смешком произнес низкий голос.

Открыв глаза, Тиффани обнаружила, что ее смешливый спутник стоит перед другой дверью, которую только что распахнул. Но она лишь смутно видела фарфоровую ванну. Ее взгляд был прикован к его лицу, к светло-голубым глазам, резко контрастировавшим с черными волосами и загорелой кожей. В этих удивительных глазах поблескивали смешинки, наводя на мысль о добродушном нраве. С выразительными чертами и широким лбом это было очень мужественное лицо, гораздо более красивое, чем ей приходилось видеть. Высокий, гибкий и мускулистый, в черной рубашке с длинными рукавами, с голубым платком, повязанным вокруг шеи, в темно-синих брюках и черных сапогах, заляпанных грязью.

Он кивнул в сторону небольшого помещения за своей спиной.

— В ванной имеется сток. Трубы ведут в огород, который Старый Эд развел за домом. Так что, спуская воду, мы увлажняем почву, пусть даже с мылом.

Последнее, видимо, было шуткой, и Тиффани пропустила ее мимо ушей.

— Старый Эд? Кто это?

— Повар, по которому мы ужасно тоскуем. К сожалению, нам не удалось уговорить его остаться. Старый пройдоха заявил, что пришло время двинуться дальше и посмотреть мир.

— Не слишком ли поздно пускаться в путешествие в его возрасте?

— Вовсе нет, ему едва за тридцать.

— Тогда почему его называют старым?

— Он поседел много лет назад, когда наткнулся на гризли. Хотел раздобыть провизию для ужина, медведь, видимо, тоже. Эд так растерялся при виде косолапого, что выронил ружье.

Тема была не слишком подходящей для дамских ушей, но у Тиффани разыгралось любопытство.

— Но ему удалось убежать?

— Несся как олень и даже быстрее, когда слышал, что медведь палит в него.

Она устремила на него недоверчивый взгляд.

— Но... какой абсурд.

Незнакомец рассмеялся, очевидно, над ней, и Тиффани возмущенно выпрямилась. Для

ковбоя он держался слишком непринужденно и чересчур нахально. Впрочем, такой привлекательный мужчина, должно быть, привык флиртовать с женщинами.

— Конечно, — сказал он. — Просто Старый Эд так испугался, что у него возникла эта безумная идея. Вернувшись на следующий день, он обнаружил, что его ружье лежит на земле, а на стволе — кровавый отпечаток лапы. Медведь, наверное, наступил на блестящую шпуковину, которая досталась ему в качестве трофея, и подстрелил самого себя. Но в то утро Старый Эд проснулся седым как лунь.

Последнее послужило Тиффани напоминанием.

— У меня не рыжие волосы.

— Почти рыжие, — с ухмылкой возразил он. — Если хотите добавить в ванну горячую воду, зажгите плиту. Если нет, то все готово. Насос был установлен несколько лет назад по настоянию Эда. Его злило, что все наполняют ведра в кухонной раковине, когда он пытается приготовить обед. Так злило, что он отказывался готовить, пока не добился своего. Этот второй насос отлично качает воду.

— Я не могу больше ждать. Боюсь, если не смою с себя эту грязь, то начну кричать.

Провожатый пожал плечами и отошел от двери, открыв проход в крохотную ванную.

— Наслаждайтесь.

Наслаждайтесь? Тиффани вдруг осознала, что именно этим и занимается. Она разговаривает с совершенно незнакомым мужчиной, хотя отлично знает, что это неприлично. Ведь их даже не представили друг другу! Это совсем на нее не похоже. Но она никогда еще не встречала такого красавца.

Раздосадованная, что позволила себе так увлечься, Тиффани шагнула вперед.

— Вы здесь работаете? — поинтересовалась она.

— Здесь все работают. Кстати, если уж мы коснулись работы, вы не слишком молоды для экономки? У меня такое ощущение, что если вас отмыть, вы окажетесь очень хорошенькой и... очень молоденькой.

— Вовсе нет. Я намного старше, чем выгляжу, примерно вашего возраста. Сколько вам лет?

Он хмыкнул.

— Если я отвечу, вы тоже ответите?

Почему она все еще разговаривает с одним из работников?

— Ладно, неважно.

Он ухмыльнулся.

— Так я и думал. Я посторожу дверь. Хотя, пожалуй, вам лучше запереться изнутри. Для вашей же безопасности.

Тиффани дрожала, сидя в ванне с холодной водой, но едва замечала, что замерзла. Все мысли были заняты молодым ковбоем, который подшучивал над ней, советуя запереть дверь. Интересно, он все еще там, ждет, когда она появится «отмытая», как он выразился? К досаде, эта мысль доставила удовольствие, точнее взволновала ее.

Жаль, что он не сказал, кто такой... Боже, а вдруг это Хантер Каллахан? С голубыми глазами? Вряд ли, учитывая, что у обоих братьев, с которыми она познакомилась, карие глаза. Кроме того, Хантер уехал с ранчо. Она видела это собственными глазами.

Тряхнув головой, чтобы избавиться от назойливых мыслей, Тиффани выбралась из ванны и застонала, осознав, что ей нечего надеть на себя, кроме вещей, которые она сняла. Она привыкла, что горничная предвосхищает все ее нужды, и не продумала свои действия заранее. Но она не собирается снова надевать грязную одежду! Завернувшись в полотенце, она приоткрыла щелочку, чтобы позвать кого-нибудь на помощь, и увидела свой чемодан, стоявший посреди кухни. Коул, благослови его Бог! Он оказался достаточно предусмотрителен, чтобы сообразить, что чемодан ей понадобится.

Приведя себя в порядок, Тиффани посмотрела в овальное зеркало, висевшее над полкой с бритвенными принадлежностями, чтобы убедиться, что наконец-то выглядит пристойно. Она была чистой, но едва ли презентабельной, по крайней мере по ее разумению. Не было времени рыться в чемодане, чтобы подобрать подходящую одежду, в любой момент в кухню могли войти, поэтому она схватила первое попавшееся платье и какое-то белье. К тому же она не была уверена, что застегнула на спине все пуговицы. Как она ни вертелась, ей не удалось повернуться к зеркалу таким образом, чтобы проверить. И лучшее, что она смогла сделать со своими влажными волосами, это перехватить лентой сзади. Как же сильно она зависит от горничной, если не может даже заколоть наверх собственные волосы!

Вздохнув, Тиффани открыла дверь и увидела Коула, который стоял за дверью, собираясь постучать. Он молча уставился на нее.

— Ну вот, я освободила вашу прекрасную ванну, — сказала Тиффани, не дождавшись от него ни слова.

Коул наконец оторвал глаза от ее свежeweымытого лица и бросил взгляд на ванну.

— Ма заказала эту штуковину из шикарного каталога, который ей прислали из Сент-Луиса. Слышали бы вы, сколько было смеха, когда она прибыла, но, должен признать, чертовски приятно мыться, не рискуя получить занозу в задницу.

Тиффани не стала делать замечаний по поводу его речи. От собственной матери, подхватившей цветистые выражения во время пребывания на Западе, она слышала слова и похуже.

— Спасибо, что принесли мой чемодан сюда. Теперь надо выбрать комнату, куда его отнести...

— Это не я принес чемодан, — возразил Коул. — Это мой па...

Он снова замолк, уставившись на нее. В такой реакции не было ничего необычного. Мужчины глазели на нее и раньше, особенно при первой встрече. Тиффани подавила соблазн посоветовать Коулу закрыть рот. Он бы, наверное, смутился, а ей не хотелось ставить его в неловкое положение.

Сдержав улыбку, она подсказала:

— Ваш отец?

— Он хочет... — начал Коул, но замолк, все еще потрясенный ее видом. — Я никогда не видел такой хорошенькой девушки, как вы, — брякнул он, залившись густым румянцем. — Извините. Па хочет с вами поговорить. Он послал меня за вами.

— Разумеется. Пойдемте.

Коул кивнул, все еще пламенея румянцем.

Тиффани последовала за ним, даже не пытаясь угнаться за его размашистым шагом. Но он ушел недалеко, остановившись у входной двери, и распахнул ее в ожидании, пока Тиффани приблизится. Он ведет ее наружу? Тиффани озадаченно нахмурилась, но Коул указал на дальний конец веранды, где сидел немолодой джентльмен, одетый как ковбой. Видимо, это и был хозяин ранчо, отец ее жениха.

— Я только что приехал, — сообщил тот, когда Тиффани медленно подошла. — И был приятно удивлен, что мои парни успешно справились со своей задачей. Меня зовут Закери Каллахан. А вас?

Внезапно Тиффани так занервничала, что не сразу вспомнила имя, которое собиралась использовать. Это худший враг ее отца, осознала она, и ее враг тоже. Она может не любить своего отца, но любит остальных членов своей семьи. И этот человек может положить конец вражде между ними, если пожелает. Должно быть, он не чужд этой идее, иначе не согласился бы на этот брак. Так как зовут эту экономку?

— Дженнифер Флеминг, — выпалила она наконец.

Закери, казалось, не заметил ее нервозности. Он указал на свободный стул. Тиффани отметила, что он мог бы встать, чтобы поприветствовать даму, но, очевидно, это не распространялось на слуг. Она не стала садиться, поскольку сиденье было покрыто толстым слоем пыли, а дым сигары, которую он курил, относил прямо к этому стулу.

На вид ему было лет пятьдесят, хотя волосы оставались угольно-черными. От уголков темно-карих глаз расходились лучики морщин. Роуз называла их смешливыми. Обычно они свидетельствовали о добродушном нраве. И он был довольно красив, как и следовало ожидать. Об этом говорила Роуз, и Тиффани уже получила подтверждение ее слов в лице двух его сыновей.

Она подавила нервозность, напомнив себе о роли, которую собиралась сыграть.

— Если не возражаете, я хотела бы знать, почему уволилась ваша прежняя экономка.

— У нас никогда не было экономии, но мы лишились повара, поэтому чертовски рады, что вы здесь. Вы не намерены садиться?

Тиффани хотела опровергнуть его убеждение, что она заменит повара, но не решилась.

— Надеюсь, вы не обидитесь, сэр, но я не выношу запаха дыма, — только и сказала она.

— Нисколько. Жена не разрешает мне курить в доме. Я следую этому правилу, пусть даже она больше не спускается вниз.

Тиффани не верила своим ушам. У него есть жена? Учитывая состояние дома, она, естественно, решила, что его супруга умерла.

— Почему в таком случае я разговариваю не с миссис Каллахан? Моя работа находится в ведении хозяйки.

— Мы не беспокоим Мэри по пустякам. Несколько месяцев назад она неудачно упала и теперь прикована к постели, пока кости не срастутся. Если вам что-нибудь понадобится и возникнут какие-нибудь вопросы, обращайтесь к моему старшему сыну Хантеру.

Просить будущего жениха помочь ей в работе? Тиффани с трудом сдержала

истерический смешок, представив, как они вдвоем скребут полы, бок о бок, на коленях. Не говоря уже о том, что потребуется немало времени, чтобы убраться в таком большом запущенном доме вдвоем. Нужна целая армия, чтобы привести это здание в порядок.

Она не стала стесняться в выражениях по этому поводу.

— Состояние дома чудовищное. Мне сказали, что у вас есть горничные, но я не вижу тому подтверждений.

Закери нахмурился. Она явно задела его чувства. Тиффани напряглась, ожидая, что он поставит ее на место, и опасаясь, что она выйдет из себя и уволится, даже не начав работать. Но он внезапно рассмеялся.

— Вам не кажется, что вы чересчур самоуверенны для служанки? — поинтересовался он. — Чудовищное — слишком сильно сказано, но не могу не признать, что состояние дома оставляет желать лучшего. У меня есть глаза, детка. Я знаю, что в доме царит беспорядок, но в последние несколько дней нам не хватало рабочих рук. Старый Эд покинул нас, не предупредив заранее, и забрал с собой еще и кухонного помощника. Внизу убирается Перл, но ее сестра заболела, и она попросила недельный отпуск, чтобы помочь сестре с детьми. А Луэлла, которая присматривает за порядком наверху, заявила, что уволится, если ей придется выполнять работу Перл. Это было бы перебором, учитывая, что всех, похоже, охватила тяга к путешествиям. Но теперь здесь вы, чтобы навести порядок, — с ухмылкой закончил он.

Тиффани пришла в еще больший ужас. Плохо, конечно, что у Каллаханов только одна служанка, пусть и временно, но даже четырех, которые были у них раньше, определенно недостаточно, чтобы нанимать экономку для управления ими.

— Вам известно, сэр, в чем состоят обязанности экономки? — спросила она.

— Никогда не имел таковой, даже не слышал о них, пока до нас не дошли разговоры, что Фрэнк выписал вас из Чикаго, и мне пришла в голову идея лишить его ваших талантов, в чем бы они ни состояли.

Закери хмыкнул, явно довольный собой. Определенно он рассматривал ситуацию как победу на Уорренами. Неужели во время перемирия обе стороны перешли на такие шалости, задалась вопросом Тиффани. Все, что угодно, лишь бы доставить неприятности противоположной стороне. Но ей не следует лезть в это дело. В конце концов, это лучше, чем кровопролитие.

— Экономка — это домоправительница. Иначе говоря, я должна содержать дом в порядке, — объяснила Тиффани. — Однако это не значит, что я должна убирать его сама. Можно сказать, что я помощница хозяйки дома, позволяющая ей уделять больше времени детям и другим занятиям. Я должна следить за тем, чтобы в доме было чисто и все слуги делали ту работу, которая им поручена. Обычно экономка требуется при большом штате слуг, поскольку ее главная обязанность надзирать за ними. Кроме того, я отвечаю за сохранность ценностей, таких как хороший фарфор, серебро и прочее, что нельзя доверить простым слугам.

Закери ненадолго задумался.

— Вообще-то, у нас нет хорошего фарфора. Мэри как-то купила столовое серебро, но сочла его слишком шикарным, чтобы использовать каждый день, и теперь оно ржавеет на чердаке. И у нас нет вывода слуг, чтобы ими управлять, но, учитывая, что придется готовить, думаю, вы будете достаточно заняты.

— Готовка не входит в обязанности экономки, — твердо сказала Тиффани.

— Да, я слышал. Этого нет в характеристике, которую вы представили. Но поскольку я

плачу вам двойное жалование и вы не намерены мести полы, вы будете нашей кухаркой.

— Вы не понимаете...

— К тому же, — перебил ее Закери, — у Фрэнка Уоррена тоже нет вывода слуг. Он тоже попросил бы вас заняться чем-нибудь другим, и без всякого удвоения зарплаты, как это сделал я. Так почему бы вам не поблагодарить меня, вместо того чтобы препираться?

Щеки Тиффани загорелись. Неужели ее уволят? Но как она может делать то, чего не умеет? Похоже, ее план не сработает. Это была безумная затея. Работа экономки не настолько сложна, чтобы она не смогла выполнять ее пару месяцев. Но работа кухарки — совсем другое дело. Она требует знаний и навыков, которыми она, Тиффани, не обладает. Хватило бы пальцев на одной руке, чтобы сосчитать, сколько раз до сегодняшнего дня она бывала в кухне. В их доме имелся целый кухонный штат, состоявший из шеф-повара и шести помощников. Еда, которую они готовили, была изысканной, но любопытство Тиффани относительно способов ее приготовления никогда не заходило так далеко, чтобы вторгаться в их епархию, представлявшую собой самое жаркое место в доме, где можно было легко запачкаться.

Наверное, она могла бы научиться готовить, но не без указаний или хотя бы поваренной книги! Но где она возьмет ее здесь? Вряд ли в магазине, который она видела в городе, продаются книги, тем более специальные; сомнительно, что владелец вообще умеет читать, если уж на то пошло. К тому же даже если случится чудо и она найдет поваренную книгу в таком заштатном городишке, как Нэшарт, это не поможет ей сегодня вечером. Вдруг они пожелают, чтобы она накормила их обедом? При одной только мысли об этом Тиффани пришла в ужас.

— Почему такая хорошенькая девушка, как вы, не замужем? — поинтересовался Закери, прервав ее мысли.

Тиффани подавила улыбку.

— Я помолвлена. — Забавно, но это единственное, что объединяет ее с Дженнифер.

Судя по кислому виду, ответ ему не понравился, и он тут же объяснил почему.

— Вы ведь не собираетесь бросить нас, когда выйдете замуж?

— Я... договорилась об испытательном сроке на два месяца. Если мне понравятся эти места и работа, мой жених согласен начать семейную жизнь здесь, а не в Калифорнии, как мы собирались.

— И он позволил вам приехать сюда одной?

Тиффани вспомнила слова Дженнифер и ответила:

— Это для нашего общего блага. Мы копим деньги, чтобы приобрести собственный дом, когда поженимся.

Закери хмыкнул.

— Выходит, я помогаю вам ускорить свадьбу? Что ж, можете не беспокоиться, вы отработаете каждый цент и даже больше. Этим летом мы ждем гостей с востока, и Мэри переживает по поводу кормежки, занавесок для гостиной и прочей чепухи. Но у вас будет время, чтобы разобраться со всем этим.

Тиффани внутренне застонала, догадываясь, что речь идет о ней самой. Неужели он так хочет произвести впечатление на невесту Хантера? Или это его жена хочет?

Тиффани осторожно поинтересовалась:

— У вас часто бывают гости с востока?

— Не сказал бы. Это особый случай, черт бы его побрал, — ворчливо отозвался Закери.

Тиффани понимала, что переступает границы, предписанные экономке, но не могла удержаться, чтобы не спросить:

— А кто это?

— Это больная тема, детка. При одной мысли о ней у меня начинается несварение желудка, — скорчив гримасу, отозвался Закери. Но, встретив изумленный взгляд, уклончиво добавил: — Это связано со старой договоренностью. Вы просто позаботьтесь, чтобы дом был в порядке.

Теперь Тиффани нисколько не сомневалась, что он говорит о ней и, судя по всему, находит это брачное соглашение таким же нежелательным, как она сама. Неужели он сожалеет, что подписал его много лет назад? Тогда почему он не отозвал его раньше? Может, это вопрос чести? А может, Каллаханы надеялись, что она не доживет до свадьбы с их наследником? Жаль, что она не может спросить об этом прямо, пока Закери не назовет ее имя или имя ее нареченного. Но сейчас самая насущная проблема — нехватка слуг, и ей есть что сказать по этому поводу.

— Я заметила, пройдясь по дому, что пыли и грязи накопилось больше, чем могло бы собраться за время отсутствия служанки. Ваша горничная, работающая внизу, явно не справляется со своими обязанностями.

Глаза Закери сузились.

— Не вздумайте увольнять ее. В этих местах горничные на деревьях не растут.

— Увольнять или нанимать работников — это ваша привилегия. Я могу лишь предложить.

— В расчете, что я соглашусь?

Он не выглядел довольным, но по крайней мере не казался рассерженным. Скорее растерянным. Он явно не разбирался в иерархии прислуги, что было неудивительно, учитывая, как мало слуг работало в доме.

— Мы можем вернуться к этому вопросу позже, когда я познакомлюсь с вашей горничной и выясню, ленива она или просто плохо обучена. Но поскольку она вернется недостаточно скоро, чтобы заняться делами, которые не терпят отлагательства, я хотела бы прибегнуть к помощи других ваших работников, чтобы привести дом в приемлемое состояние.

Закери расхохотался.

— Они не станут убираться в доме! Они ковбои, а не горничные. Впрочем, кто знает, если вы попросите. — Он снова рассмеялся.

— Значит, вы не будете настаивать, чтобы они помогли мне?

— Нет, конечно. Я не стану рисковать отличными работниками, которые могут взбунтоваться и уволиться только потому, что вы не умеете обращаться с веником.

Тиффани снова залилась румянцем. Дело не в том, что она умеет, возмущенно подумала она. Дело в том, чтобы провести черту, и она свою провела. Она готова нанимать горничных и платить им из своего кармана, если их можно найти в этом медвежьем углу, что, похоже, не так-то просто. Видимо, ему наплевать, что она тоже может взбунтоваться и уволиться. В конце концов, это невыносимо. У него не дом, а свинарник!

Тиффани готова была признаться, что она на самом деле, и потребовать отвезти ее в город, когда Закери бросил взгляд через ее плечо и сказал:

— Хантер, отведи нашу шикарную экономку в барак. Пусть узнает на собственной шкуре, что ковбои не из тех, кого можно заставить скрести полы.

Краем глаза Тиффани видела всадников, скакавших к усадьбе. Они были слишком далеко, чтобы их разглядеть, а потом исчезли из виду, скрывшись за главным зданием. Чуть погодя ей показалось, что за спиной слышатся шаги, но она была слишком увлечена разговором с Закери, чтобы оглянуться и посмотреть, кто это.

Резко обернувшись, она снова увидела двух ковбоев. Одним из них был обаятельный насмешник, с которым она уже общалась. Он полусидел на перилах веранды, сцепив руки на согнутом колене. Его лицо терялось в тени надвинутой на глаза шляпы. Второй прислонился к стене рядом с дверью, скрестив руки на груди. Он казался почти одного роста с первым, в котором было более шести футов, и почти так же красив. И в нем было что-то тревожное, заставившее Тиффани задержать взгляд. Какая-то аура опасности, напомнившая о грабителях. Но Каллаханы не станут предоставлять крышу преступникам, верно? Тем не менее она не могла отделаться от мысли, что именно так должен выглядеть бандит, когда не занимается своим ремеслом.

У него тоже были черные волосы, хотя чуть короче и аккуратнее подстриженные. Он был одет в черный пиджак, более уместный на городской улице, чем на ранчо, и в белую рубашку с узким черным галстуком вместо шейного платка и обут в черные сапоги, натертые до блеска и украшенные шпорами. Даже его черный пояс для оружия был наряднее, чем у других, с тисненым узором и серебряными заклепками. Если он не ковбой, то что он здесь делает? Может, приехал из города? Или... это Хантер? Эта мысль привела Тиффани в смятение.

Ни разу во всех размышлениях о человеке, предназначенном ей в мужа, Тиффани не приходило в голову, что она будет бояться своего мужа. Ее пугало нечто загадочное, что она почувствовала в этом мужчине. От него исходила опасность. Что ж, тем лучше. Если это Хантер Каллахан, то она уезжает.

Ни один из ковбоев не шелохнулся. Они просто смотрели на нее, не так, как Коул, но с не меньшим интересом. Голубые глаза прошли по ней в ленивой оценивающей манере. Серые скрестились с ее взглядом и замерли. Оба ковбоя нервировали ее. И она до сих пор не знала, кто из них Хантер!

Сын мог бы по крайней мере что-то сказать своему отцу, когда появился, но, вероятно, ему было интереснее послушать ее разговор с Закери. Если, конечно, они его слышали, учитывая длину веранды.

Тиффани затаила дыхание, переводя выжидательно взгляд с одного на другого, как вдруг оба ковбоя выпрямились.

— Пойдемте, Рыжик. Это будет забавно.

Тиффани облегченно выдохнула, но только потому, что ее худшие опасения не подтвердились. Итак, ее жених — голубоглазый насмешник, а не опасный незнакомец с мрачными серыми глазами. Впрочем, вряд ли ее обрадовало, что Хантер оказался таким обаятельным красавцем. Было некогда размышлять на эту тему, поскольку Хантер уже спустился с крыльца, не дожидаясь ее. Второй ковбой не сдвинулся с места, по крайней мере пока Тиффани не проскочила мимо него, догоняя своего жениха.

Прежде чем свернуть за угол дома, Хантер оглянулся и помедлил. Но его взгляд был устремлен не на Тиффани.

— А я думал, что ты хотел принять ванну, Диган.

— Это было до того, как произошло нечто, нарушившее привычную рутину, — отозвался тот любезным тоном, не вязавшимся с его опасным обликом.

— Ты только заставишь парней нервничать, — предупредил Хантер.

— И что с того? — поинтересовался Диган.

Хантер хмыкнул.

— Как знаешь.

Хантер, похоже, не боялся приятеля, хотя намеков на то, что работники его побаиваются, подтвердил подозрения Тиффани, что человек, стоявший за ее спиной, опасен. Ее охватило нелепое желание убежать, вернуться в дом, и она отругала себя за беспричинные страхи. И тут осознала, что Хантер смотрит на нее.

Он сдвинул шляпу назад, коснувшись полей кончиком пальца, и вкрадчиво произнес:

— У меня было предчувствие, что внутри этого кокона из пыли скрывается бабочка, но, черт побери, вы настоящий сюрприз. Полагаю, вы замужем?

Тиффани немного встревожило, как он смотрит на нее: словно голодный на изысканное блюдо.

— Пока нет, но у меня есть жених.

Хантер одарил ее медленной улыбкой, заставившей пульс Тиффани участиться.

— Пока — не считается.

Тиффани вспыхнула. Он что, заигрывает с ней? Это было бы крайне неприлично, учитывая, что ему только что сказали, что у нее есть жених, а у него, как ей хорошо известно, — невеста. Неужели Хантер Каллахан — местная версия дамского угодника? Тиффани не понравилась эта мысль, и она постаралась выкинуть ее из головы, сосредоточившись на своей задаче.

— Вы слышали, что мне нужно, мистер Каллахан? — поинтересовалась она.

Он двинулся дальше, но на этот раз взял экономку под руку, увлекая за собой.

— Конечно. И зовите меня Хантером.

— А вы зовите меня мисс Флеминг, а не Рыжик.

Хантер рассмеялся.

— А имя у вас есть?

— Дженнифер, но...

— Пусть будет Дженни, — с ухмылкой снизошел он. — И имейте в виду, это не город. Мы здесь обходимся без формальностей, и вам придется привыкнуть к этому.

Без формальностей! Это еще мягко сказано. Но Тиффани не могла не признать, что в его словах есть смысл. Она не просто притворяется другим человеком, она взялась за роль служанки. Придется приспособиться к Каллаханам и поступать, как они желают, а не наоборот. По крайней мере когда они настаивают, как, например, Хантер, с его раздражающими прозвищами.

Когда они свернули за дом, открылся вид на хозяйственные постройки: конюшню, загоны, курятник, барак для работников, куда они направлялись, и огород, который развел и перед отъездом обнес изгородью Старый Эд. Там были и другие строения: кладовые, сараи, даже прачечная, перед которой висело постельное белье и мужская одежда. Здесь было все, что требовалось для жизни небольшого сообщества, и Тиффани предположила, что ранчо ее отца выглядит так же.

— Сколько ковбоев свободны от работы? — спросила она, надеясь на небольшую армию

для своих нужд.

— Семеро только что вернулись с пастбища. Остальные трое останутся со стадом на ночь.

Тиффани ожидала, что намного больше.

— Неужели этого достаточно, что пасти такое стадо, как у вас?

— Более чем достаточно, учитывая, что мы с братьями тоже работаем.

— Разве работа ковбоев заканчивается так рано?

— Мы рано начинаем. А теперь вы готовы к разочарованию? — с усмешкой поинтересовался он.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Примечания

Сотрудник службы судебных маршалов США.

Административно-территориальная единица США, не имеющая статуса штата.